

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ

ПРОЛОГ. АМАЛЬТЕЯ, "ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ"

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выползает из-за близкого горизонта через каждые тринадцать с половиной часов.

Восход Юпитера - это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна облещенная равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце - круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодрома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полузабытые ассоциации, и хочется сбегать на поле и пройтись по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево - экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасит звезды на черном небе. И вдруг оно напоззает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент. Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и наконец из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, - ровный вишневый диск на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет - это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева на полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошечные белые точки - так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удастся редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать. Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор "Джей-станции" поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника - красноватая Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода - это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтее представляла собой научный городок в несколько горизонтов, вырубленный в толще льда и залитый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтее почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надут водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами - он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернул в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радиовали о катастрофе с продовольствием. Продовольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случилось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи, на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в жилые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное - хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

- Дядя Валнога! - окликнул кто-то. - На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все загорелые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

- В обед вы получите суп, - сказал дядя Валнога.

- Здорово! - сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак - тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять - она имела магнитный ободок вокруг донышка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

- Суп, - сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. - Вы можете себе представить, что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. - Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. - А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

- Вряд ли, - сказал директор рассеянно.

- Ну как же вряд ли! - сказал Валнога. - Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

- Остаток резерва мы уже съели?

- Конечно, съели, - сказал Валнога.

- Значит, и они уже съели, - сказал директор, разгрызая галету. - У них народу вдвое больше, чем у нас.

"Врешь ты, дядя Валнога, - подумал он. - Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего".

Валнога вздохнул и спросил:

- Чай у вас не остыл?

- Нет, спасибо.

- А хлорелла на Каллисто не прививается, - сказал Валнога и опять вздохнул. - Опять они радировали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

- Что ж, надо дать.

- Дать! - сказал дядя Валнога. - Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

- Ничего, - сказал директор. У него вообще не было аппетита.

- Довольно! - сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

- Довольно, слышишь? - сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

- Ты мне подсунула свою галету вчера, - сказал Козлов. - Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

- Не ори на нее, Козел! - гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. - Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя! Дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

- Нет, правда, - сказал Козлов уже спокойнее. - Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

- Неправда, Валя, - сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

- Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

- Эй, Грегор, после работы сыграем?

- Сыграем, - сказал Грегор.

- Снова будешь бит, Вадимчик, - сказал кто-то.

- На моей стороне закон вероятностей! - заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия.

- Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

- Ну! - сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешно поднялись из-за стола.

Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

- Галеты мнехвати, слышишь?

- Если Валнога даст, - сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

- Почему не дать? - сказал дядя Валнога. - Стеценко Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов сказал:

- Товарищ директор, как там с "Тахмасибом"?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

- Пока никак.

Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась "консервная эпидемия". Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе не близко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это голод. Может быть, это

гибель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ФОТОННЫЙ ГРУЗОВИК "ТАХМАСИБ"

1. ПЛАНЕТОЛЕТ ПОДХОДИТ К ЮПИТЕРУ, А КАПИТАН ССОРИТСЯ СО ШТУРМАНОМ И ПРИНИМАЕТ СПОРАМИН

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика "Тахмасиб", вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа - водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался нелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компанию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

"Опять они что-то затеяли, - подумал Быков. - И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе".

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длинные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

- Я тебе говорю, ее здесь нет, - сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

- Ты ищи, - сказал задуманный голос Юрковского. - Валялся, так ищи.

- Что здесь происходит? - сердито осведомился Быков.

- Ага, вот он! - сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юрковский, пятясь, выбрался из-под дивана.

- В чем дело? - сказал Быков.

- Где моя Варечка? - спросил Юрковский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

- Изверг! - воскликнул Дауге.

- Без-здельники, - сказал Быков.

- Это он, - сказал Дауге трагическим голосом. - Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!

- Я говорю совершенно серьезно, Алексей, - сказал Юрковский. - Где моя Варечка?

- Знаете что, планетологи, - сказал Быков. - Подите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

- Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок. Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазами и сказал:

- Хорошо поспал, Лешенька?

- Хорошо, - сказал Быков.

- Я принял пеленги с Амальтеи, - сказал Михаил Антонович. - Они там уж так ждут, так ждут... - Он покачал головой. - Представляешь, Лешенька, у них норма: двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно!

"Тебя бы туда, - подумал Быков. - То-то похудел бы, толстяк". Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался - улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

- Вот, Лешенька, - сказал он. - Я составил финиш-программу. Проверь,

пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

- Потом проверю, - сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью. - Вводи программу в киберштурман.

- Я, Лешенька, уже ввел, - виновато сказал Михаил Антонович.

- Ага, - сказал Быков. - Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

- Через час выходим на финиш, - ответил Михаил Антонович. - Пройдем над северным полюсом Юпитера... - слово "Юпитер" он произнес с видимым удовольствием, - на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом - последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

- Расстояние считаешь от центра Юпитера?

- Да, от центра.

- Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние до экзосферы.

- Слушаюсь, Лешенька, - сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слипающиеся глаза и пошел вдоль пульта аварийной сигнализации. Здесь было все в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. "Молодчина, Жилин, - подумал Быков. - Отлично отрегулировал, малек".

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся. "Молодчина, малек", снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену - кожух фотореактора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками в края пульта и едва заметно отплясывал чечетку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

- Здравствуй, Ваня, - сказал Быков.

- Здравствуйте, Алексей Петрович, - сказал Жилин, быстро обернувшись.

Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

- Как отражатель? - спросил Быков.

- Отражатель в порядке, - сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель - самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют "сэйл" - парус. В фокусе параболоида ежесекундно взрываются, превращаясь в излучение, миллионы порций дейтериево-трибиевой плазмы. Поток бледного лилового пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполинские перепады температур, и мезовещество постепенно - слой за слоем - выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотореактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирующая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

- Так, сказал Быков, вертя в пальцах ленту. - Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

- Михаил! - окликнул Быков. - Ты знаешь, что первый слой выгорел?

- Знаю, Лешенька, - отозвался штурман. - А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

"Оверсан", или "прыжок через Солнце", производится редко и только в исключительных случаях - как сейчас, когда на "Джей-станциях" голод. При оверсане между старт-планетой и финиш-планетой находится Солнце - расположение очень невыгодное с точки зрения "прямой космогации". При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и в довершение всего корабль, как правило, подходит к финиш-планете с

полюса, что неудобно и осложняет посадку.

- Да, - сказал Быков. - Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

- Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша, - сказал он.

- Одну минутку, Лешенька, - сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустился в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульту и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

- Что тебе, Лешенька? - спросил штурман, глядя в свои записи.

- Финиш-программу, - сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

- Сейчас, - сказал он торопливо. - Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

- Лешенька, - сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу. - Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

- Кхе-кхм... - откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. - Так. Опять тэта-алгоритм... - Он сонно уставился в записи.

- Принял бы ты, Лешенька, спорамин, - посоветовал штурман.

- Подожди, - сказал Быков. - Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

- Где, где? - спросил он.

- Ты куда летишь? - ядовито спросил Быков. - Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

- Да в чем дело, Леша?

- Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя тритиевый генератор?

- Если ты про горючее, - сказал Михаил Антонович, - то горючего хватит на три таких программы...

Быков проснулся окончательно.

- Мне нужно сесть на Амальтею, - сказал он. - Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

- Подожди, - сказал Михаил Антонович. - Минуточку...

- Ты мне рассчитываешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся. Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

- Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

- Вон! - рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

- Л-лоботрясы, - сказал Быков. - И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

- Не ори, пожалуйста, - возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: - Черт возьми...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшись. Михаил Антонович сказал:

- Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. - Он положил ладошку на кучу листов на столе. - А если ты трусишь, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

- И вовсе незачем так на меня... орать, - сказал Михаил Антонович.

Слово "орать" он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал.

Быков тоже остывал.

- Ну хорошо, - сказал он. - Извини, Миша.

Михаил Антонович сразу заулыбался.

- Я был не прав, - добавил Быков.

- Ах, Лешенька, - сказал Михаил Антонович торопливо. - Пустяки.

Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, - он стал показывать руками, - в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать-сорок. И очень малы расчетные ошибки.

- Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, - сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатыми кулаками.

- Откровенно говоря, - сказал он, - ни черта я не выспался.

- Прими спорамин, Леша, - убеждающе повторил Михаил Антонович. - Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

- Не люблю я этой химии, - сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. - Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

- А в чем дело, Лешенька? - спросил штурман.

- Опять планетологи, - сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотореактора объяснил:

- Куда-то пропала Варечка.

- Ну? - сказал Быков. - Наконец-то. - Он опять прошелся по рубке. - Дети, престарелые дети.

- Ты уж на них не сердись, Лешенька, - сказал штурман.

- Знаете, товарищи, - Быков опустил в кресло. - Самое скверное в рейсе - это пассажиры. А самые скверные пассажиры - это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуйста, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

- Дай сразу две таблетки, - попросил он.

2. ПЛАНЕТОЛОГИ ИЩУТ ВАРЕЧКУ, А РАДИООПТИК УЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ БЕГЕМОТ

- Он меня выгнал вон, - сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

- Значит, она там, - сказал Юрковский.

Он спрыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

- Варечка, жизнь моя, где ты?

- А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? - спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него, вытянув руки по швам.

- Ты убьешь ее! - закричал Юрковский.

- Ее здесь нет, - сообщил Дауге и устроился поудобнее, задрал ноги на спинку дивана. - Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягком.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

- Нет, - сказал он. - В рейсах она любит забираться на стены и потолки.

- Господи! - Дауге вздохнул. - И что только не приходит в голову планетологу, одуревшему от безделья! - Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: - Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

- Да, - продолжал Дауге. - Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

- Дурак ты, Григорий, - сказал Юрковский. - Ты паясничаешь, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он уселся на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий залысый лоб его собрался в морщины, черные брови трагически надломились.

- Ну-ну, - сказал Дауге. - Куда она пропадет с корабля? Она еще найдется.

- Найдется, - сказал Юрковский. - Ей сейчас есть пора. А сама они никогда не попросит, так и умрет с голоду.

- Так уж и умрет! - усомнился Дауге.

- Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

- Лопать захочет - придет, - уверенно сказал Дауге. - Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

- Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький черноволосый Шарль Моллар, радиооптик.

- Войдите? - спросил Моллар.

- Вот именно, - сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

- Mais non! - воскликнул он, радостно улыбаясь. Он всегда радостно улыбался. - Non "войдите". Я хотел познать: войтить?

- Конечно, - сказал Юрковский со стула. - Конечно, войтить, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел, задвинул дверь и с любопытством задрал голову.

- Вольдемар, - сказал он, великолепно картавя. - Вы учится ходить по потолку?

- Уи, мадам, - сказал Дауге с ужасным акцентом. - В смысле месье, конечно. Собственно, иль шерш ля Варечка.

- Нет-нет! - вскричал Моллар. Он даже замахал руками. - Только не так. Только по-русску. Я же говорю только по-русску!

Юрковский слез со стула и спросил:

- Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

- Ви мне все шутите, - сказал он, делая произвольные ударения. - Ви мне двенадцать дней шутите. - Он сел на диван рядом с Дауге. - Что есть Варечка? Я много раз слышалъ "Варечка", сегодня ви ее ищите, но я ее не виделль ни один раз. А? - Он поглядел на Дауге. - Это птичка? Или это кошка? Или... э...

- Бегемот? - сказал Дауге.

- Что есть бегемот? - осведомился Моллар.

- Сэ такая лирондэй, - ответил Дауге. - Ласточка.

- О, l'hirondelle! - воскликнул Моллар. - Бегемот?

- Йес, - сказал Дауге. - Натюрлихь.

- Non, non! Только по-русску! - Он повернулся к Юрковскому. - Грегуар говорит верно?

- Ерунду порет Грегуар, - сердито проговорил Юрковский. - Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

- Ви расстроены, Володья, - сказал он. - Я могу помочь?

- Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

- Зачем щупать? - удивился Моллар. - Ви скажите, вид у нее какой есть. Я стану искать.

- Ха, - сказал Юрковский, - хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

- Je ne comprend pas, - жалобно сказал он. - Я не понимаю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русску?

- Нет, все правильно, Шарль, - сказал Юрковский. - Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване - как диван...

- А когда на Грегуар, она как Грегуар, - сказал Моллар. - Ви все шутите.

- Он говорит правду, - вступился Дауге. - Варечка все время меняет

окраску. Мимикрия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикрия.

- Мимикрия у ласточка? - горько спросил Моллар.

В дверь опять постучали.

- Войтить! - радостно закричал Моллар.

- Войдите, - перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

- Извините, Владимир Сергеевич, - сказал он, несколько наклоняясь вперед. - Меня...

- О! - вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру. - Le petit ingénieur! <Маленький инженер (франц.)> Как жизнь, хороше-о?

- Хорошо, - сказал Жилин.

- Как девушки, хороше-о?

- Хорошо, - сказал Жилин. Он уже привык. - Бон.

- Прекрасный прононс, - сказал Дауге с завистью. - Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как девушки?

- Я очень люблю девушки, - серьезно сказал Моллар. - И всегда интересуюсь как.

- Бон, - сказал Дауге. - Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

- Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через перииовий, почти в экзосфере.

Юрковский вскочил.

- Наконец-то!

- Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

- Спасибо, Ваня, - сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге. - Ну, Иоганыч, вперед!

- Держись, бурый Джуп, - сказал Дауге.

- Les hirondelles, les hirondelles, - запел Моллар. - А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Ви любите суп, Ванья?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге. Дауге охнул.

- Ого, - сказал Юрковский. - Это метеорит.

- Встань с меня, - сказал Дауге.

3. БОРТИНЖЕНЕР ВОСХИЩАЕТСЯ ГЕРОЯМИ, А ШТУРМАН ОБНАРУЖИВАЕТ ВАРЕЧКУ

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый - прямо с завода - и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились воронеными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик "Тахмасиб" был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин.

Юрковский скомандовал:

- Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

- Готов.

- Я тоже готов, - сказал Дауге.

- Михаил, - сказал Юрковский в микрофон. - Скоро?

- Еще полчасика, - послышался сиплый голосок штурмана.

Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

- Опять метеорит, - сказал Юрковский. - Это уже третий.

- Густо что-то, - сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

- Михаил, микрометеоритов много?

- Много, Володенька, - ответил Михаил Антонович. Голос у него был озабоченный. - Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

- Миша, голубчик, - попросил Юрковский. - Замеряй почаще, а?

- Замеры идут три раза в минуту, - отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ послышался голос Быкова: "Можно". - Володенька, - позвал штурман. - Я переключаю на десять раз в минуту.

- Спасибо, Миша, - сказал Юрковский.

Корабль опять качнуло.

- Слушай, Володя, - позвал негромко Дауге. - А ведь это нетривиально.

Жилин тоже подумал, что это нетривиально. Нигде, ни в каких учебниках и логиях, не говорилось о повышении метеоритной плотности в непосредственной близости к Юпитеру. Впрочем, мало кто бывал в непосредственной близости к Юпитеру.

Жилин присел на станину казенника и поглядел на часы. До перииовия оставалось минут двадцать, не больше. Через двадцать минут Дауге даст первую очередь. Он говорит, что это необычайное зрелище, когда взрывается очередь бомбозондов. В позапрошлом году он исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана. Жилин оглянулся на Дауге. Дауге сидел на корточках перед спектрографом, держась за ручки поворота, - сухой, черный, остроносый, со шрамом на левой щеке. Он то и дело вытягивал длинную шею и заглядывал то левым, то правым глазом в окуляр видеоискателя, и каждый раз по его лицу пробегал оранжевый зайчик. Жилин посмотрел на Юрковского. Юрковский стоял, прижавшись лицом к нарамнику перископа, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. На шее у него болталось на темной ленте рубчатое яйцо микрофона. Известные планетологи Дауге и Юрковский...

Месяц назад заместитель начальника Высшей Школы Космогации Сантор Ян вызвал к себе выпускника Школы Ивана Жилина. Межпланетники звали Сантора Яна "Железный Ян". Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и подбородке - следы давнего лучевого удара. Сантор Ян сказал, что Третий отдел ГКМПС срочно затребовал в свое распоряжение хорошего сменного бортинженера и что Совет Школы остановил свой выбор на выпускнике Жилине (выпускник Жилин похолодел от волнения: все пять лет он боялся, что его пошлют стажером на лунные трассы). Сантор Ян сказал, что это большая честь для выпускника Жилина, потому что первое свое назначение он получает на корабль, которые идет оверсаном к Юпитеру (выпускник Жилин чуть не подпрыгнул от радости) с удовольствием для "Джей-станции" на Пятом спутнике Юпитера - Амальтее.

- Амальтее грозит голод, - сказал Сантор Ян. - Вашим командиром будет прославленный межпланетник, тоже выпускник нашей Школы, Алексей Петрович Быков. Вашим старшим штурманом будет весьма опытный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я чрезвычайно рад за вас.

О том, что в рейсе принимают участие Григорий Иоганнович Дауге и Владимир Сергеевич Юрковский, Жилин узнал позже, уже на ракетодроме Мирза-Чарле. Какие имена! Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и Анатолий Ермаков. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полублегда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном "Хиусе" - фотонной черепахе с одним-единственным слоем мезовещества на отражателе - прорвались сквозь бешеную атмосферу Венеры. О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду - след удара чудовищного метеорита из антивещества.

Конечно, Жилин знал и других замечательных людей. Например, межпланетника-испытателя Василия Ляхова. На третьем и четвертом курсах Ляхов читал в Школе теорию фотонного привода. Он организовал для выпускников трехмесячную практику на Спу-20. Межпланетники называли Спу-20 "Звездочкой". Там было очень интересно. Там испытывались первые прямоточные фотонные двигатели. Оттуда в зону абсолютно свободного полета

запускали автоматические лоты-разведчики. Там строился первый межзвездный корабль "Хиус-Молния". Однажды Ляхов привел курсантов в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета. Танкер, огромное неуклюжее сооружение, удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Всех поразил его цвет. Обшивка сделалась бирюзово-зеленой и отваливалась кусками, стоило прикоснуться к ней ладонью. Она просто крошилась, как хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из девятнадцати, запущенных в зону АСП. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. "На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем", - сказал Ляхов. И Жилин подумал тогда о пилотах, которые через несколько лет поведут "Хиус-Молнию" туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем.

"Забавно, - подумал Жилин, - мне уже есть о чем вспоминать. Как на четвертом курсе во время зачетного подъема на геодезической ракете отказал двигатель и я вместе с ракетой свалился в совхозное поле под Новоеисейском. Я несколько часов бродил среди автоматических высокочастотных плугов, пока к вечеру не наткнулся на человека. Это был оператор-телемеханик. Мы всю ночь пролежали в палатке, следя за огоньками плугов,двигающимися в темном поле, и один плуг прошел совсем близко, гудя и оставляя за собой запах озона. Оператор угощал меня местным вином, и мне, кажется, так и не удалось убедить этого веселого дядьку, что межпланетники не пьют ни капли. Утром за ракетой пришел транспортер. Железный Ян устроил мне страшный разнос за то, что я не катапультировался...

Или дипломный перелет Спу-16 Земля-Цифэй-Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, кричал ужасным голосом: "Астероид третьей величины справа по курсу! Скорость сближения двадцать два!" Нас было шестеро дипломантов, и он надоед нам невыносимо - только Ив, староста, все старался нас убедить, что людям следует прощать их маленькие слабости. Мы в принципе не возражали, но слабости прощать не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда корабль вдруг лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы вскарабкались в рубку, где член комиссии делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: "Молодцы, межпланетники", и мы сразу простили ему его слабости, потому что до тех пор никто еще не называл нас серьезно межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек. Но мамы и девушки всегда говорили: "Мой милый межпланетник", и вид у них был при этом такой, словной у них холодеет внутри..."

"Тахмасиб" вдруг тряхнуло так сильно, что Жилин опрокинулся на спину и стукнулся затылком о стеллаж.

- Черт! - сказал Юрковский. - Все это, конечно, нетривиально, но, если корабль будет так рыскать, мы не сможем работать.

- Да уж, - сказал Дауге. Он прижимал ладонь к правому глазу. - Какая уж тут работа...

По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону.

- Неужели рой? - сказал Юрковский, цепляясь за нарамник перископа. - Бедная Варечка, она плохо переносит тряску.

- Ну и сидела бы дома, - злобно сказал Дауге. Правый глаз у него быстро заплывал, он ощупывал его пальцами и издавал невнятные восклицания по-латышски. Он уже не сидел на корточках, он полулежал на полу, раздвинув для устойчивости ноги.

Жилин держался, упираясь руками в казенник и стеллаж. Пол вдруг провалился под ногами, затем подпрыгнул и больно ударил по пяткам. Дауге охнул, у Жилина подломились ноги. Хриплый бас Быкова проревел в микрофон:

- Бортинженер Жилин, в рубку! Пассажирам укрыться в амортизаторах!

Жилин шатающейся рысцой побежал к двери. За его спиной Дауге сказал:

- Как так в амортизаторы?

- Черта с два! - отозвался Юрковский.

Что-то покатило по полу с металлическим дребезгом. Жилин выскочил в коридор. Начиналось приключение.

Корабль непрерывно мотало, словно щепку на волнах. Жилин бежал по коридору и думал: этот мимо. И этот мимо. И вот этот тоже мимо, и все они мимо... За спиной вдруг раздалось пронзительное "поук-пш-ш-ш-ш...". Он бросился спиной к стене и обернулся. В пустом коридоре, шагах в десяти от него, стояло плотное облако белого пара: совершенно такое, как бывает, когда лопается баллон с жидким гелием. Шипение быстро смолкло. По коридору потянуло ледяным холодом.

- Попал, гад, - сказал Жилин и оторвался от стены. Белое облако ползло за ним, медленно оседая.

В рубке было очень холодно. Жилин увидел блестящую радугой изморозь на стенах и на полу. Михаил Антонович с багровым затылком сидел за вычислителем и тянул на себя ленту записи. Быкова видно не было. Он был за кожухом реактора.

- Опять попало? - тоненьким голосом крикнул штурман.

- Где, наконец, бортинженер? - прогудел Быков из-за кожуха.

- Я, - отозвался Жилин.

Он побежал через рубку, скользя по инею. Быков выскочил ему навстречу, рыжие волосы его стояли дыбом.

- На контроль отражателя, - сказал он.

- Есть, - сказал Жилин.

- Штурма, есть просвет?

- Нет, Лешенька. Кругом одинаковая плотность. Вот ведь угораздило нас...

- Отключай отражатель. Буду выбираться на аварийных.

Михаил Антонович на вращающемся кресле торопливо повернулся к пульту управления позади себя. Он положил руку на клавиши и сказал:

- Можно было бы...

Он остановился. Лицо его перекопилось ужасом. Панель с клавишами управления изогнулась, снова выпрямилась и бесшумно соскользнула на пол. Жилин услышал вопль Михаила Антоновича и в смятении выскочил из-за кожуха. На стене рубки, вцепившись в мягкую обивку, сидела полутораметровая марсианская ящерица Варечка, любимица Юрковского. Точный рисунок клавиш управления на ее боках уже начал бледнеть, но на страшной треугольной морде все еще медленно мигало красное изображение стоп-лампочки. Михаил Антонович глядел на разлинованную Варечку, всхлипывал и держался за сердце.

- Пшла! - заорал Жилин.

Варечка метнулась куда-то и пропала.

- Убью! - прорычал Быков. - Жилин, на место, черт!

Жилин повернулся, и в этот момент в "Тахмасиб" попало по-настоящему.

АМАЛЬТЕЯ, "ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ". ВОДОВОЗЫ БЕСЕДУЮТ О ГОЛОДЕ, А ИНЖЕНЕР-ГАСТРОНОМ СТЫДИТСЯ СВОЕЙ КУХНИ

После ужина дядя Валнога пришел в зал отдыха и сказал, ни на кого не глядя:

- Мне нужна вода. Добровольцы есть?

- Есть, - сказал Козлов.

Потапов поднял голову от шахматной доски и тоже сказал:

- Есть.

- Конечно, есть, - сказал Костя Стеценко.

- А мне можно? - спросила Зойка Иванова тонким голосом.

- Можно, - сказал Валнога, уставясь в потолок. - Так вы приходите.

- Сколько нужно воды? - спросил Козлов.

- Немного, - ответил дядя Валнога. - Тонн десять.

- Ладно, - сказал Козлов. - Мы сейчас,

Дядя Валнога вышел.

- Я тоже с вами, - сказал Грегор.

- Ты лучше сиди и думай над своим ходом, - посоветовал Потапов. - Ход твой. Ты всегда думаешь по полчаса над каждым ходом.

- Ничего, - сказал Грегор. - Я еще успею подумать.

- Галя, пойдем с нами, - позвал Стеценко.

Галя лежала в кресле перед магнитоvideофоном. Она лениво отозвалась:

- Пожалуй.

Она встала и сладко потянулась. Ей было двадцать восемь лет, она была высокая, смуглая и очень красивая. Самая красивая женщина на станции. Половина ребят на станции были влюблены в нее. Она заведовала астрометрической обсерваторией.

- Пошли, - сказал Козлов. Он застегнул пряжки на магнитных башмаках и пошел к двери.

Они отправились на склад и взяли там меховые куртки, электропилы и самоходную платформу.

Айсгротте - так называлось место, где станция брала воду для технических, гигиенических и продовольственных нужд. Амальтея, сплюснутый шар диаметром в сто тридцать километров, состоит из сплошного льда. Это обыкновенный водяной лед, совершенно такой же, как на Земле. И только на поверхности лед немного присыпан метеоритной пылью и каменными и железными обломками. О происхождении ледяной планетки никто не мог сказать ничего определенного. Одни - мало осведомленные в космогонии - считали, что Юпитер в оные времена содрал водяную оболочку с какой-нибудь неосторожно приблизившейся планеты. Другие были склонны относить образование Пятого спутника за счет конденсации водяных кристаллов. Третьи уверяли, что Амальтея вообще не принадлежала к Солнечной системе, что она вышла из межзвездного пространства и была захвачена Юпитером. Но как бы то ни было, неограниченные запасы водяного льда под ногами - это большое удобство для "Джей-станции" на Амальтее.

Платформа проехала по коридору нижнего горизонта и остановилась перед широкими воротами айсгротте. Грегор соскочил с платформы, подошел к воротам и, близоруко вглядываясь, стал искать кнопку замка.

- Ниже, ниже, - сказал Потапов. - Филин слепой.

Грегор нашел кнопку, и ворота раздвинулись. Платформа въехала в айсгротте. Айсгротте был именно айсгротте - ледяной пещерой, тоннелем, вырубленным в сплошном льду. Три газосветные трубки освещали тоннель, но свет отражался от ледяных стен и потолка, дробился и искрился на неровностях, поэтому казалось, что айсгротте освещен многими люстрами...

Здесь не было магнитного поля, и ходить надо было осторожно. И здесь было необычайно холодно.

- Лед, - сказала Галя, оглядываясь. - Совсем как на Земле.

Зойка зябко поежилась, кутаясь в меховую куртку.

- Как в Антарктике, - пробормотала она.

- Я был в Антарктике, - объявил Грегор.

- И где только ты не был! - сказал Потапов. - Везде ты был!

- Возьми, ребята, - скомандовал Козлов.

Ребята взяли электропилы, подошли к дальней стене и стали выпиливать брусья льда. Пилы шли в лед, как горячие ножи в масло. В воздухе засверкали ледяные опилки. Зойка и Галя подошли ближе.

- Дай мне, - попросила Зойка, глядя в согнутую спину Козлова.

- Не дам, - сказал Козлов, не оборачиваясь. - Глаза повредишь.

- Совсем как снег на Земле, - заметила Галя, подставляя ладонь под струю льдинок.

- Ну, этого добра везде много, - сказал Потапов. - Например, на Ганимеде сколько хочешь снега.

- Я был на Ганимеде, - объявил Грегор.

- С ума сойти можно, - сказал Потапов. Он выключил свою пилу и отвалил от стены огромный ледяной куб. - Вот так.

- Разрежь на части, - посоветовал Стеценко.

- Не режь, - сказал Козлов. Он тоже выключил пилу и отвалил от стены глыбу льда. - Наоборот... - он с усилием пихнул глыбу, и она медленно поплыла к выходу из тоннеля. - Наоборот, Валное удобнее, когда брусья крупные.

- Лед, - сказала Галя. - Совсем как на Земле. Я теперь буду всегда ходить сюда после работы.

- Вы очень скучаете по Земле? - робко спросила Зойка. Зойка была на десять лет моложе Гали, работала лаборанткой на астрометрической обсерватории и робела перед своей заведующей.

- Очень, - ответила Галя. - И вообще по Земле, Зоенька, и так хочется посидеть на траве, походить вечером по парку, потанцевать... Не наши воздушные танцы, а обыкновенный вальс. И пить из нормальных бокалов, а не

из дурацких груш. И носить платье, а не брюки. Я ужасно соскучилась по обыкновенной юбке.

- Я тоже, - сказал Потапов.
- Юбка - это да, - сказал Козлов.
- Трепачи, - возразила Галя. - Мальчишки.

Она подобрала осколок льда и кинула в Потапова. Потапов подпрыгнул, ударился спиной в потолок и отлетел на Стеценко.

- Тише ты, - сердито сказал Стеценко. - Под пилу угодишь.
- Ну, довольно, наверное, - сказал Козлов. Он отвалил от стены третий брус. - Грузи, ребята.

Они погрузили лед на платформу, затем Потапов неожиданно схватил одной рукой Галю, другой рукой Зойку и забросил обеих на штабель ледяных брусьев. Зойка испуганно взвизгнула и ухватилась за Галю. Галя засмеялась.

- Поехали! - заорал Потапов. - Сейчас Валнога даст вам премию - по миске хлорелловой похлебки на нос.

- Я бы не отказался, - проворчал Козлов.

- Ты и раньше не отказывался, - заметил Стеценко. - А уж теперь, когда у нас голод...

Платформа выехала из айсгротте, и Грегор задвинул ворота.

- Разве это голод? - сказала Зойка с вершины ледяной кучи. - Вот я недавно читала книгу о войне с фашистами - вот там был действительно голод. В Ленинграде, во время блокады.

- Я был в Ленинграде, - объявил Грегор.

- Мы едим шоколад, - продолжала Зойка, - а там выдавали по полтора грамма хлеба на день. И какого хлеба! Наполовину из опилок.

- Так уж и из опилок, - усомнился Стеценко.

- Представь себе, именно из опилок.

- Шоколад шоколадом, - сказал Козлов, - а нам туго будет, если не прибудет "Тахмасиб".

Он нес электропилу на плече, как ружье.

- Прибудет, - уверенно сказала Галя. Она спрыгнула с платформы, и Стеценко торопливо подхватил ее. - Спасибо, Костя. Обязательно прибудет, мальчишки.

- Все-таки я думаю, надо предложить начальнику уменьшить суточные порции, - сказал Козлов. - Хотя бы только для мужчин.

- Чепуха какая, - сказала Зойка. - Я читала, что женщины гораздо лучше переносят голод, чем мужчины.

Они шли по коридору вслед за медленно движущейся платформой.

- Так то женщины, - сказал Потапов. - А то дети.

- Железное остроумие, - сказала Зойка. - Прямо чугунное.

- Нет, правда, ребята, - сказал Козлов. - Если Быков не прибудет завтра, надо собрать всех и спросить согласия на сокращение порций.

- Что ж, - согласился Стеценко. - Я полагаю, никто не будет возражать.

- Я не буду возражать, - объявил Грегор.

- Вот и хорошо, - сказал Потапов. - А я уж думал, как быть, если ты вдруг будешь возражать.

- Привет водовозам! - крикнул астрофизик Никольский, проходя мимо.

Галя сердито заметила:

- Не понимаю, как можно так откровенно заботиться только о своем брюхе, словно "Тахмасиб" - автомат и на нем нет ни одного живого человека.

Даже Потапов покраснел и не нашелся что сказать. Остаток пути до камбуза прошли молча. В камбузе дядя Валнога сидел понурившись возле огромной ионообменной установки для очистки воды. Платформа остановилась у входа в камбуз.

- Сгружайте, - сказал дядя Валнога, глядя в пол. В камбузе было непривычно тихо, прохладно и ничем не пахло. Дядя Валнога мучительно переживал это запустение.

В молчании ледяные брусья были отгружены с платформы и заложены в отверстую пасть водоочистителя.

- Спасибо, - сказал дядя Валнога, не поднимая головы.

- Пожалуйста, дядя Валнога, - сказал Козлов. - Пошли, ребята.

Они молча отправились на склад, затем молча вернулись в зал отдыха. Галя взяла книжку и улеглась в кресло перед магнитофоном. Стеценко нерешительно потоптался возле нее, поглядел на Козлова и Зойку, которые

снова уселись за стол для занятий (Зойка училась заочно в энергетическом институте, и Козлов помогал ей), вздохнул и побрел в свою комнату. Потапов сказал Грегору:

- Ходи. Твой ход.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЛЮДИ НАД БЕЗДНОЙ

1. КАПИТАН СООБЩАЕТ НЕПРИЯТНУЮ НОВОСТЬ, А БОРТИНЖЕНЕР НЕ БОИТСЯ

Видимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и "Тахмасиб" закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он больно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое его бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Все крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопырив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнул голову к панели управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. "Тахмасиб" выровнялся. Тогда Быков повел корабль napрoлом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал - противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурман. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное "поук-пш-ш-ш", и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и пригибался к самому пульта. Один раз что-то лопнуло, разлетаясь, за его спиной. Потом сигналов на экране стало меньше, потом еще меньше и, наконец, не стало совсем. Метеоритная атака кончилась.

Тогда Быков поглядел на курсограф. "Тахмасиб" падал. "Тахмасиб" шел через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. При метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обыденных рейсов Юпитер - Марс или Юпитер - Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, - так было десять лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, - так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевским в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифленую клавишу стартера. Но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был поврежден, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. "Это конец", - подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это было единственное, что он мог сейчас сделать, - сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере. Тридцать секунд он сидел неподвижно, уставясь на свои руки, быстро отекавшие от перегрузки. Потом он уменьшил подачу горючего, и перегрузка пропала. Аварийные двигатели будут понемногу тормозить падение - пока хватит горючего. А горючего немного. Еще никого и никогда аварийные ракеты не спасали над Юпитером. Над Марсом, над Меркурием, над Землей - может быть, но не над планетой-гигантом.

Быков тяжело поднялся и заглянул через пульт. На полу, среди пластмассовых осколков, лежал животом вверх штурман Михаил Антонович Крутиков.

- Миша, - позвал Быков почему-то шепотом. - Ты жив, Миша?

Послышался скребущий звук, и из-за кожуха реактора выполз на четвереньках Жилин. Жилин тоже плохо выглядел. Он задумчиво поглядел на капитана, на штурман, на потолок и сел, поджав ноги.

Быков выбрался из-за пульта и опустился рядом со штурманом на корточки, с трудом согнув ноги в коленях. Он потрогал штурмана за плечо и снова позвал:

- Ты жив, Миша?

Лицо Михаила Антоновича сморщилось, и он, не открывая глаз, облизнул губы.

- Лешенька, - сказал он слабым голосом.

- У тебя болит что-нибудь? - спросил Быков и принялся ощупывать штурмана.

- О! - сказал штурман и широко раскрыл глаза.

- А здесь?

- У! - сказал штурман болезненным голосом.

- А здесь?

- Ой, не надо! - сказал штурман и сел, упираясь руками в пол. Голова его склонилась к плечу. - А где Ванюша? - спросил он.

Быков оглянулся. Жилина не было.

- Ваня, - негромко окликнул Быков.

- Здесь, - отозвался Жилин из-за кожуха. Было слышно, как он уронил что-то и шепотом чертыхается.

- Иван жив, - сообщил Быков штурману.

- Ну и слава богу, - сказал Михаил Антонович и, ухватившись за плечо капитана, поднялся на ноги.

- Ты как, Миша? - спросил Быков. - В состоянии?

- В состоянии, - неуверенно сказал штурман, держась за него. -

Кажется, в состоянии. - Он посмотрел на Быкова удивленными глазами и сказал: - До чего же живуч человек, Лешенька... Ох, до чего живуч!

- Н-да, - сказал Быков неопределенно. - Живуч. Слушай, Михаил... - Он помолчал. - Дела наши нехороши. Мы, брат, падаем. Если ты в состоянии, садись и посчитай, как и что. Вычислитель, по-моему, уцелел. - Он посмотрел на вычислитель. - Впрочем, посмотри сам.

Глаза Михаила Антоновича стали совсем круглыми.

- Падаем? - сказал он. - Ах, вот как! Падаем. На Юпитер падаем?

Быков молча кивнул.

- Ай-яй-яй! - сказал Михаил Антонович. - Надо же! Хорошо. Сейчас. Я сейчас.

Он постоял немного, морщась и ворочая шеей, потом отпустил капитана и, ухватившись за край пульта, заковылял к своему месту.

- Сейчас посчитаю, - бормотал он. - Сейчас.

Быков смотрел, как он, держась за бок, усаживается в кресло и устраивается поудобнее. Кресло было заметно перекошено. Устроившись, Михаил Антонович вдруг испуганно посмотрел на Быкова и спросил:

- Но ведь ты притормозил, Алеша? Ты затормозил?

Быков кивнул и пошел к Жилину, хрустя осколками на полу. На потолке он увидел небольшое черное пятно и еще одно у самой стены. Это были метеоритные пробоины, затянутые смолопластом. Вокруг пятен дрожали крупные капли осевшей влаги.

Жилин сидел по-турецки перед комбайном контроля отражателя. Кожух комбайна был расколот пополам. Внутренности комбайна выглядели неутешительно.

- Что у тебя? - спросил Быков. Он видел что.

Жилин поднял опухшее лицо.

- Подробностей я еще не знаю, - ответил он. - Но ясно, что вдребезги.

Быков сел рядом.

- Одно метеоритное попадание, - сказал Жилин. - И два раза я въехал сюда сам. - Он показал пальцем, куда он въехал, но это было и так видно. - Один раз в самом начале ногами и потом в самом конце головой.

- Да, - сказал Быков. - Этого никакой механизм не выдержит. Ставь запасной комплект. И вот что. Мы падаем.

- Я слышал, Алексей Петрович, - сказал Жилин.

- Собственно, - произнес Быков задумчиво, - что толку в контрольном комбайне, если разбит отражатель?

- А может быть, не разбит? - сказал Жилин.

Быков поглядел на него, усмехаясь.

- Такая карусель, - сказал он, - может объясняться только двумя причинами. Или - или. Или почему-то выскочила из фокуса точка сгорания плазмы, или откололся большой кусок отражателя. Я думаю, что разбит отражатель, потому что бога нет и точку сгорания перемещать некому. Но ты все-таки валяй. Ставь запасной комплект. - Он поднялся и, задрав голову, осмотрел потолок. - Надо еще хорошенько закрепить пробоины. Там внизу большое давление. Смолопласт выдавит. Ну, это я сам. - Он повернулся, чтобы идти, но остановился и спросил негромко: - Не боишься, малек?

В Школе мальками называли первокурсников и вообще младших.

- Нет, - сказал Жилин.

- Хорошо. Работай, - сказал Быков. - Пойду осмотрю корабль. Надо еще пассажиров из амортизаторов вынуть.

Жилин промолчал. Он проводил взглядом широкую сутулую спину капитана и вдруг совсем рядом увидел Варечку. Варечка стояла столбиком и медленно мигала выпуклыми глазами. Она была вся синяя в белую крапинку, и шипы у нее на морде страшно щетинились. Это означало, что Варечка очень раздражена и чувствует себя нехорошо. Жилин уже видел ее однажды в таком состоянии. Это было на ракетодроме Мирза-Чарле месяц назад, когда Юрковский много говорил об удивительной приспособляемости марсианских ящериц и в доказательство окунал Варечку в ванну с кипятком.

Варечка судорожно разинула и снова закрыла огромную серую пасть.

- Ну что? - негромко спросил Жилин.

С потолка сорвалась крупная капля и - так! - упала на расколотый кожух комбайна. Жилин посмотрел на потолок. Там, внизу, большое давление, "Да, - подумал он, - там давление в десятки и сотни тысяч атмосфер. Смолопластовые пробки, конечно, выдавит".

Варечка шевельнулась и снова разинула пасть. Жилин пошарил в кармане, нашел галету и бросил ее в разинутую пасть. Варечка медленно глотнула и уставилась на него стеклянными глазами. Жилин вздохнул.

- Эх ты, бедолага, - сказал он тихо.

2. ПЛАНЕТОЛОГИ ВИНОВАТО МОЛЧАТ, А РАДИООПТИК ПОЕТ ПЕСЕНКУ ПРО ЛАСТОЧЕК

Когда "Тахмасиб" перестал кувыряться, Дауге отцепился от казенника и выволок бесчувственное тело Юрковского из-под обломков аппаратуры. Он не успел заметить, что разбито и что уцелело, заметил только, что разбито многое. Стеллаж с обоями перекосило, и обои вывалились на приборную панель радиотелескопа. В обсерваторном отсеке было жарко и сильно пахло горелым.

Дауге отделался сравнительно легко. Он сразу же мертвой хваткой ухватился за казенник, и у него только кровь выступила под ногтями и сильно болела голова. Юрковский был бледен, и веки у него были сиреневые. Дауге подул ему в лицо, потряс за плечи, похлопал по щекам. Голова Юрковского бессильно болталась, и в себя он не приходил. Тогда Дауге поволок его в медицинский отсек. В коридоре оказалось страшно холодно, на стенах искрился иней. Дауге положил голову Юрковского к себе на колени, наскреб со стены немного инея и приложил холодные мокрые пальцы к его вискам. В этот момент его застала перегрузка - когда Быков начал тормозить "Тахмасиб". Тогда Дауге лег на спину, но ему стало так плохо, что он перевернулся на живот и стал водить лицом по заиндеветшему полу. Когда перегрузка кончилась, Дауге лежал еще немного, затем поднялся и, взяв Юрковского под мышки, пятясь, поволок дальше. Но он сразу понял, что до медотсека ему не добраться, поэтому затащил Юрковского в кают-компанию, взвалил его на диван и сел рядом, сопя и отдуваясь. Юрковский страшно хрипел.

Отдохнув, Дауге поднялся и подошел к буфету. Он взял графин с водой и стал пить прямо из горлышка. Вода побежала по подбородку, по горлу, потекла за воротник, и это было очень приятно. Он вернулся к Юрковскому и побрызгал из графина ему на лицо. Потом он поставил графин на пол и расстегнул на Юрковском куртку. Он увидел странный ветвистый рисунок на коже, бегущий через грудь от плеча до плеча. Рисунок был похож на силуэт

каких-то диковинных водорослей - темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем вдруг сообразил, что это след сильного электрического удара. Видимо, Юрковский упал на обнаженные контакты под высоким напряжением. Вся измерительная аппаратура планетологов работала под высоким напряжением. Дауге побежал в медицинский отсек.

Он сделал четыре инъекции, и только тогда Юрковский открыл, наконец, глаза. Глаза были тусклые и смотрели довольно бессмысленно, но Дауге очень обрадовался.

- Фу ты, черт, Владимир, - сказал он с облегчением, - я уж думал, что дело совсем плохо. Ну как ты, встать можешь?

Юрковский пошевелил губами, открыл рот и захрипел. Глаза его приобрели осмысленное выражение, брови сдвинулись.

- Ладно, ладно, лежи, - сказал Дауге. - Тебе надо немного полежать.

Он оглянулся и увидел в дверях Шарля Моллара. Моллар стоял, держась за косяк, и слегка покачивался. Лицо у него было красное, распухшее, и он был весь мокрый и обвешан какими-то белыми сосульками. Дауге даже показалось, что от него идет пар. Несколько минут Моллар молчал, переводя печальный взгляд с Дауге на Юрковского, а планетологи озадаченно глядели на него. Юрковский перестал хрипеть. Потом Моллар сильно качнулся вперед, перешагнул через комингс и, быстро семеня ногами, подобрался к ближайшему креслу. У него был мокрый и несчастный вид, и, когда он сел, по каюте прошла волна вкусного запаха вареного мяса. Дауге пошевелил носом.

- Это суп? - осведомился он.

- Oui, monsieur, - печально сказал Моллар. - Вьермишель.

- И как суп? - спросил Дауге. - Хороше-о?

- Хороше-о, - сказал Моллар и стал собирать с себя вермишель.

- Я очень люблю суп, - пояснил Дауге. - И всегда интересуюсь как.

Моллар вздохнул и улыбнулся.

- Больше нет суп, - сказал он. - Это биль очень горячий суп. Но это биль уже не кипятик.

- Боже мой! - сказал Дауге и все-таки захохотал.

Моллар тоже засмеялся.

- Да! - закричал он. - Это биль очень забавно, но очень неудобно, и суп пропал весь.

Юрковский захрипел. Лицо его перекошилось и налилось кровью. Дауге встревоженно повернулся к нему.

- Вольдемар сильно ушибся? - спросил Моллар. Вытянув шею, он с опасливым любопытством глядел на Юрковского.

- Вольдемара ударило током, - сказал Дауге. Он больше не улыбался.

- Но что произошло? - сказал Моллар. - Било так неудобно...

Юрковский перестал хрипеть, сел и, страшно скалясь, стал копать в нагрудном кармане куртки.

- Что с тобой, Володька? - растерянно спросил Дауге.

- Вольдемар не может говорить, - тихо сказал Моллар.

Юрковский торопливо закивал, вытащил авторучку и блокнот и стал писать, дергая головой.

- Ты успокойся, Володя, - пробормотал Дауге. - Это немедленно пройдет.

- Это пройдет, - подтвердил Моллар. - Со мною тоже било так. Биль очень большой ток, и потом все прошло.

Юрковский отдал блокнот Дауге, снова лег и прикрыл глаза.

- "Говорить не могу", - с трудом разобрал Дауге. - Ты не волнуйся, Володя, это пройдет.

Юрковский нетерпеливо дернулся.

- Так. Сейчас. "Как Алексей и пилоты? Как корабль?" Не знаю, - растерянно сказал Дауге и поглядел на люк в рубку. - Фу, черт, я обо всем забыл.

Юрковский мотнул головой и тоже посмотрел на люк в рубку.

- Я узнаю, - сказал Моллар. - Я все сейчас буду познать.

Он встал с кресла, но люк распахнулся, и в кают-компанию шагнул капитан Быков, огромный, взъерошенный, с ненормально лиловым носом и иссиня-черным синяком над правой бровью. Он оглядел всех свирепыми маленькими глазками, подошел к столу, уперся в стол кулаками и сказал:

- Почему пассажиры не в амортизаторах?

Это было сказано негромко, но так, что Шарль Моллар перестал радостно улыбаться. Наступила короткая тяжелая тишина, и Дауге неловко, кривовато усмехнулся и стал глядеть в сторону, а Юрковский снова прикрыл глаза. "А дела-то неважные", - подумал Юрковский. Он хорошо знал Быкова.

- Когда на этом корабле будет дисциплина? - сказал Быков.

Пассажиры молчали.

- Мальчишки, - сказал Быков с отвращением и сел. - Бедлам. Что с вами, мсье Моллар? - спросил он устало.

- Это суп, - с готовностью сказал Моллар. - Я немедленно пойду почиститься.

- Подождите, мсье Моллар, - сказал Быков.

- Кх... де мы? - прохрипел Юрковский.

- Падаем, - коротко сказал Быков.

Юрковский вздрогнул и поднялся.

- Кх... уда? - спросил он. Он ждал этого, но все-таки вздрогнул.

- В Юпитер, - сказал Быков. Он не смотрел на планетологов. Он смотрел на Моллара. Ему было очень жалко Моллара. Моллар был в первом своем настоящем космическом рейсе, и его очень ждали на Амальтее. Моллар был замечательным радиооптиком.

- О, - сказал Моллар, - в Юпитер?

- Да. - Быков помолчал, ощупывая синяк на лбу. - Отражатель разбит.

Контроль отражателя разбит. В корабле восемнадцать пробоин.

- Гореть будем? - быстро спросил Дауге.

- Пока не знаю. Михаил считает. Может быть, не сгорим.

Он замолчал. Моллар сказал:

- Пойду почиститься.

- Погодите, Шарль, - сказал Быков. - Товарищи, вы хорошо поняли, что я сказал? Мы падаем в Юпитер.

- Поняли, - сказал Дауге.

- Теперь мы будем падать в Юпитер всю нашу жизнь, - сказал Моллар.

Быков искоса глядел на него, не отрываясь.

- Х-хорошо ска-азано, - сказал Юрковский.

- C'est le mot <Хорошо сказано (франц.)>, - сказал Моллар. Он улыбался. - Можно... Можно я все-таки пойду чистить себя?

- Да, идите, - медленно сказал Быков.

Моллар повернулся и пошел из кают-компания. Все глядели ему вслед.

Они услышали, как в коридоре он запел слабым, но приятным голосом.

- Что он поет? - спросил Быков. Моллар никогда не пел раньше.

Дауге прислушался и стал переводить:

- "Две ласточки целуются за окном моего звездолета. В пустоте-те-те-те. И как их туда занесло. Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля. И какое вам дело до них". Что-то в этом роде.

- Тра-ля-ля, - задумчиво сказал Быков. - Здорово.

- Т-ты п-пе-ереводишь, к-как ЛИАНТО, - сказал Юрковский. -

"С-сиганули" - ш-шедевр.

Быков поглядел на него с изумлением.

- Ты что это, Владимир? - спросил он. - Что с тобой?

- З-заика н-на-а всю жизнь, - ответил Юрковский, усмехаясь.

- Его ударило током, - сказал тихо Дауге.

Быков пожевал губами.

- Ничего, - сказал он. - Не мы первые. Бывало и похуже.

Он знал, что хуже еще никогда не бывало. Ни с ним, ни с планетологами.

Из полукрытого люка раздался голос Михаила Антоновича:

- Алешенька, готово!

- Поди сюда, - сказал Быков.

Михаила Антонович, толстый и исцарапанный, ввалился в кают-компанию.

Он был без рубашки и лоснился от пота.

- Ух, как тут у вас холодно! - сказал он, обхватывая толстую грудь короткими пухлыми ручками. - А в рубке ужасно жарко.

- Давай, Михаил, - нетерпеливо сказал Быков.

- А что с Володенькой? - испуганно спросил штурман.

- Давай, давай, - повторил Быков. - Током его ударило.

- А где Шарль? - спросил штурман, усаживаясь.

- Шарль жив и здоров, - ответил Быков, сдерживаясь. - Все живы и здоровы. Начинай.

- Ну и слава богу, - сказал штурман. - Так вот, мальчики. Я здесь немножко посчитал, и получается вот такая картина. "Тахмасиб" падает, и горючего, чтобы вырваться, нам не хватит.

- Ясно даже и ежу, - сказал Юрковский.

- Не хватит. Вырваться можно только на фотореакторе, но у нас, кажется, разбит отражатель. А вот на торможение горючего хватит. Вот я рассчитал программу. Если общепринятая теория строения Юпитера верна, мы не сгорим.

Дауге хотел сказать, что общепринятой теории строения Юпитера не существует и никогда не существовало, но промолчал.

- Мы уже сейчас хорошо тормозимся, - продолжал Михаил Антонович. - Так что, по-моему, провалимся мы благополучно. А больше сделать ничего нельзя, мальчики. - Михаил Антонович виновато улыбнулся. - Если, конечно, мы не исправим отражатель.

- На Юпитере нет ремонтных станций. Это следует из всех теорий Юпитера. - Быкову хотелось, чтобы они все-таки поняли. До конца поняли. Ему все еще казалось, что они не понимают.

- Какую теорию строения ты считаешь общепринятой? - спросил Дауге.

Михаил Антонович пожал плечиком.

- Теорию Кангрена, - сказал он.

Быков выжидающе уставился на планетологов.

- Ну что ж, - сказал Дауге. - Можно и Кангрена.

Юрковский молчал, глядя в потолок.

- Слушайте, планетологи, - не выдержал Быков, - специалисты. Что будет там, внизу? Вы можете нам это сказать?

- Да, конечно, - сказал Дауге. - Это мы тебе скоро скажем.

- Когда? - Быков оживился.

- Когда будем там, внизу, - сказал Дауге. Он засмеялся.

- Планетологи, - сказал Быков. - Спе-ци-а-лист-ты.

- Н-надо рассчитать, - сказал Юрковский, глядя в потолок. Он говорил медленно и почти не заикался. - Пусть М-михаил рассчитает, на какой глубине к-корабль перестанет проваливаться и повиснет.

- Интересно, - сказал Михаил Антонович.

- П-по Кангрону давление в Юпитере р-растет быстро. П-подсчитай, Михаил, и выясни г-глубину погружения, д-давление на этой глубине и силу т-тяжести.

- Да, - сказал Дауге. - Какое будет давление? Может быть, нас просто раздавит.

- Ну, не так это просто, - проворчал Быков. - Двести тысяч атмосфер мы выдержим. А фотонный реактор и корпуса ракет и того больше.

Юрковский сел, согнув ноги.

- Т-теория Кангрена не хуже других, - сказал он. - Она даст порядок величин. - Он посмотрел на штурмана. - М-мы могли бы п-подсчитать сами, но у тебя в-вычислитель.

- Ну, конечно, - сказал Михаил Антонович. - Ну о чем говорить? Конечно, мальчики.

Быков попросил:

- Михаил, давай сюда программу, я прогляжу, и вводи ее в киберштурман.

- Я уже ввел, Лешенька, - виновато ответил штурман.

- Ага, - сказал Быков. - Ну что ж, хорошо. - Он поднялся. - Так. Теперь все ясно. Нас, конечно, не раздавит, но назад мы уже не вернемся - давайте говорить прямо. Ну, не мы первые. Честно жили, честно и умрем. Я с Жилиным попробую что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... - Он сморщился и покрутил распухшим носом. - Что намерены делать вы?

- Н-наблюдать, - жестко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

- Очень хорошо. - Быков поглядел на них исподлобья. - У меня к вам просьба. Присмотрите за Молларом.

- Да-да, - подтвердил Михаил Антонович.

- Он человек новый, и... бывают нехорошие вещи... вы знаете.

- Ладно, Леша, - сказал Дауге, бодро улыбаясь. - Будь спокоен.

- Вот так, - сказал Быков. - Ты, Миша, поди в рубку и сделай все

расчеты, а я схожу в медчасть, помассирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

- В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдем чиниться.

- П-пойдем, - сказал Юрковский.

"Ну, меня вы не обманете, - подумал Быков. - Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще не верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащил нас из водородной могилы. Дауге - тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?"

В медицинском отсеке Моллар, дыша носом от боли, мазался жирной таниновой мазью. У него было красное лоснящееся лицо и красные лоснящиеся руки. Увидев Быкова, он приветливо улыбнулся и громко запел про ласточек: он почти успокоился. Если бы он не запел про ласточек, Быков мог бы считать, что он успокоился по-настоящему. Но Моллар пел громко и старательно, время от времени шипя от боли.

3. БОРТИНЖЕНЕР ПРЕДАЕТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМ, А ШТУРМАН СОВЕТУЕТ НЕ ВСПОМИНАТЬ

Жилин ремонтировал комбайн контроля отражателя. В рубке было очень жарко и душно, по-видимому, система кондиционирования по кораблю была совершенно расстроена, но заниматься ею не было ни времени, ни, главное, желания. Сначала Жилин сбросил куртку, затем комбинезон и остался в трусах и сорочке. Варечка тут же устроилась в складках сброшенного комбинезона и вскоре исчезла - осталась только ее тень да иногда появлялись и сразу же исчезали большие выпуклые глаза.

Жилин одну за другой вытаскивал из исковерканного корпуса комбайна пластмалловые пластины печатных схем, прозванивал уцелевшие, откладывал в сторону расколотые и заменял их запасными. Работал он методически, неторопливо, как на зачетной сборке, потому что спешить было некуда и потому что все это было, по-видимому, ни к чему. Он старался ни о чем не думать и только радовался, что очень хорошо помнит общую схему, что ему почти не приходится заглядывать в руководство, что расшибся он не так уж сильно и ссадины на голове подсохли и совсем не болят. За кожухом фотореактора жужжал вычислитель. Михаил Антонович шуршал бумагой и мурлыкал себе под нос что-то немзыкальное. Михаил Антонович всегда мурлыкал себе под нос, когда работал.

"Интересно, над чем он работает сейчас? - подумал Жилин. - Может быть, просто старается отвлечься. Это очень хорошо - уметь отвлечься в такие минуты. Планетологи, наверно, тоже работают, сбрасывают бомбозонды. Так мне и не удалось увидеть, как взрывается очередь бомбозондов. И еще многого мне не удалось увидеть. Например, говорят, что очень хорош Юпитер с Амальтеи. И мне очень хотелось участвовать в межзвездной экспедиции или в какой-нибудь экспедиции Следопытов - ученых, которые ищут на других планетах следы пришельцев из других миров... Потом говорят, что на "Джей-станциях" есть славные девушки, и хорошо было бы с ними познакомиться, а потом рассказать об этом Пере Хунту, который получил распределение на лунные трассы и был этому рад, чудака. Забавно, Михаил Антонович фальшивит, словно нарочно. У него жена и двое детей... Нет, трое, и старшей дочке уже шестнадцать лет, - он все обещал нас познакомить и каждый раз этак залихватски подмигивал, но познакомиться теперь уже не придется. Многие теперь уже не придется. Отец будет очень расстроен - ах, как нехорошо! Как это все нескладно получилось - в первом же самостоятельном рейсе! Хорошо, что я тогда поссорился с ней, - подумал вдруг Жилин. - Теперь все проще, а могло бы быть очень сложно. Вот Михаилу Антоновичу гораздо хуже, чем мне. И капитану хуже, чем мне. У капитана жена - очень красивая женщина, веселая и, кажется, умница. Она провожала его и ни о чем таком не думала, а может быть, и думала, но это было незаметно, но скорее всего, не думала, потому что уже привыкла. Человек ко всему может привыкнуть. Я, например, привык к перегрузкам, хотя сначала было очень плохо, и я думал даже, что меня переведут на факультет дистанционного управления. В Школе это называлось "отправиться к

девочкам": на факультете было много девушек, обыкновенных хороших девушек, с ними всегда было весело и интересно, но все-таки "отправиться к девочкам" считалось зазорным. Совершенно непонятно почему. Девушки шли работать на разные Спу и на станции и базы на других планетах и работали не хуже ребят. Иногда даже лучше. Все равно, - подумал Жилин, - очень хорошо, что мы тогда поссорились. Каково бы ей сейчас было!" Он вдруг бессмысленно уставился на треснувшую пластину печатной схемы, которую держал в руках.

"...Мы целовались в Большом Парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал ее домой, и мы долго еще целовались в парадномб и по лестнице все время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдет мимо ее мама и спросит: "А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?" Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и все было, как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. Поднимался ветер, нас заносило порошей, мы совершенно закоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там совсем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и поспорил: подошла великолепная приземистая машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это "Золотой Дракон", новый японский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда - и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом Парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и все время толкала меня в бок, чтобы я не хохотал слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по видеофону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я все не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я еще не знал, что они глупые. А через год я увидел ее в нашем клубе. Она была с какой-то девочкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что все пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас все вспомнилось. Наверное, потому, что теперь все равно. Я мог бы и не думать об этом, но раз уж все равно..."

Гулко хлопнул люк. Голос Быкова сказал:

- Ну что, Михаил?

- Заканчиваем первый виток, Алешенька. Упали на пятьсот километров.

- Так... - Было слышно, как по полу пнули пластмассовыми осколками. - Так, значит. Связи с Амальтеей, конечно, нет.

- Приемник молчит, - вздохнув, сказал Михаил Антонович. - Передатчик работает, но ведь здесь такие радиобури...

- Что твои расчеты?

- Я уже почти кончил, Алешенька. Получается так, что мы провалимся на шесть-семь мегаметров и там повиснем. Будем плавать, как говорит Володя. Давление огромное, но нас не раздавит, это ясно. Только будет очень тяжело - там сила тяжести два - два с половиной "же".

- Угу, - сказал Быков. Он некоторое время молчал, затем сказал: - У тебя какая-нибудь идея есть?

- Что?

- Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбраться?

- Что ты, Алешенька! - Штурман говорил ласково, почти заискивающе. - Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слышал, чтобы отсюда... выбирались.

Наступило долгое молчание. Жилин снова принялся работать, быстро и бесшумно. Потом Михаил Антонович вдруг сказал:

- Ты не вспоминай о ней, Алешенька. Тут уж лучше не вспоминать, а то так гадко становится, право...

- А я и не вспоминаю, - сказал Быков неприятным голосом. - И тебе, штурман, не советую. Иван! - заорал он.

- Да? - откликнулся Жилин, заторопившись.

- Ты все возишься?

- Сейчас кончаю.

Было слышно, как капитан идет к нему, пиная пластмассовые осколки.

- Мусор, - бормотал он. - Кабак. Бедлам.

Он вышел из-за кожуха и опустил рядом с Жилиным на корточки.

- Сейчас кончаю, - повторил Жилин.

- А ты не торопишься, бортинженер, - сказал Быков сердито.

Он засопел и принялся вытаскивать из футляра запасные блоки. Жилин подвинулся немного, чтобы освободить ему место. Они оба были широкие и громадные, и им было немного тесно перед комбайном. Работали молча и быстро, и было слышно, как Михаил Антонович снова запустил вычислитель и замурыкал.

Когда сборка окончилась, Быков позвал:

- Михаил, иди сюда.

Он выпрямился и вытер пот со лба. Потом отодвинул ногой груды битых пластин и включил общий контроль. На экране комбайна вспыхнула трехмерная схема отражателя. Изображение медленно поворачивалось.

- Ой-ей-ей, - сказал Михаил Антонович.

Тик-тик-тик - поползла из вывода голубая лента записи.

- А микропробоин мало, - негромко сказал Жилин.

- Что микропробоины, - сказал Быков и нагнулся к самому экрану. - Вот где главная-то сволочь.

Схема отражателя была окрашена в синий цвет. На синем белели рваные пятна. Это были места, где либо пробило слои мезовещества, либо разрушило систему контрольных ячеек. Белых пятен было много, а на краю отражателя они сливались в неровную белую кляксу, занимавшую не менее восьмой части поверхности параболоида.

Михаил Антонович махнул рукой и вернулся к вычислителю.

- Петарды пускать таким отражателем, - пробормотал Жилин.

Он потянулся за комбинезоном, вытряхнул из него Варечку и принялся одеваться: в рубке снова стало холодно. Быков все еще стоял, глядел на экран и грыз ноготь. Потом он подобрал ленту записи и бегло просмотрел ее.

- Жилин, - сказал вдруг он. - Бери два сигма-тестера, проверь питание и ступай в кессон. Я буду тебя там ждать. Михаил, бросай все и займись креплением пробоин. Все бросай, я сказал.

- Куда ты собрался, Лешенька? - спросил Михаил Антонович с удивлением.

- Наружу, - коротко ответил Быков и вышел.

- Зачем? - спросил Михаил Антонович, повернувшись к Жилину.

Жилин пожал плечами. Он не знал зачем. Починить зеркало в Пространстве, в рейсе, без специалистов-мезохимиков, без огромных кристаллизаторов, без реакторных печей просто невозможно. Так же невозможно, как, например, притянуть Луну к Земле голыми руками. А в таком виде, в таком состоянии, как сейчас, с отбитым краем, отражатель мог придать "Тахмасибу" только вращательное движение. Такое же, как в момент катастрофы.

- Чепуха какая-то, - сказал Жилин нерешительно.

Он посмотрел на Михаила Антоновича, а Михаил Антонович посмотрел на него. Они молчали, и вдруг оба страшно заторопились. Михаил Антонович суетливо собрал свои листки и поспешно сказал:

- Ну, иди. Иди, Ванюша, ступай скорее.

В кессоне Быков и Жилин влезли в пустоплазные скафандры и с некоторым трудом втиснулись в лифт. Коробка лифта стремительно понеслась вниз вдоль гигантской трубы фотореактора, на которую нанизывались все узлы корабля - от жилой гондолы до параболического отражателя.

- Хорошо, - сказал Быков.

- Что хорошо? - спросил Жилин.

Лифт остановился.

- Хорошо, что лифт работает, - ответил Быков.

- А, - разочарованно вздохнул Жилин.

- Мог бы и не работать, - строго сказал Быков. - Лез бы ты тогда двести метров туда и обратно.

Они вышли из шахты лифта и остановились на верхней площадке параболоида. Вниз покато уходил черный рубчатый купол отражателя. Отражатель был огромен - семьсот пятьдесят метров в длину и полкилометра в растворе. Края его не было видно отсюда. Над головой нависал громадный серебристый диск грузового отсека. По сторонам его, далеко вынесенные на кронштейнах, полыхали бесшумным голубым пламенем жерла водородных ракет. А вокруг странно мерцал необычайный и грозный мир.

Слева тянулась стена рыжего тумана. Далеко внизу, невообразимо

глубоко под ногами, туман расслаивался на жирные тугие ряды облаков с темными прогалинами между ними. Еще дальше и еще глубже эти облака сливались в плотную коричневатую гладь. Справа стояло сплошное розовое марево, и Жилин вдруг увидел Солнце - ослепительный ярко-розовый маленький диск.

- Начали, - сказал Быков. Он сунул Жилину моток тонкого троса. - Закрепи в шахте, - сказал он.

На другом конце троса он сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Затем он повесил себе на шею оба тестера и перекинул ногу через перила.

- Вытравливай понемногу, - сказал он. - Я пошел.

Жилин стоял возле самых перил, вцепившись в трос обеими руками, и смотрел, как толстая неуклюжая фигура в блестящем панцире медленно сползает за выпуклость купола. Панцирь отсвечивал розовым, и на черном рубчатом куполе тоже лежали неподвижные розовые блики.

- Живее вытравливай, - сказал в шлемофоне сердитый голос Быкова.

Фигура в панцире скрылась, и на рубчатой поверхности осталась только блестящая тугая нитка троса. Жилин стал смотреть на Солнце. Иногда розовый диск затягивала мгла, тогда он становился еще более резким и совсем красным. Жилин поглядел под ноги и увидел на площадке свою смутную розоватую тень.

- Гляди, Иван, - сказал голос Быкова. - Вниз гляди, вниз!

Жилин поглядел. Глубоко внизу из коричневой глади странным призраком выплыл исполинский белесый бугор, похожий на чудовищную поганку. Он медленно раздавался вширь, и можно было различить на его поверхности шевелящийся, словно клубок змей, струйчатый узор.

- Экзосферный протуберанец, - сказал Быков. - Большая редкость, кажется. Вот черт, надо бы ребятам показать.

Он имел в виду планетологов. Бугор вдруг засветился изнутри дрожащим сиреневым светом.

- Ух ты!.. - невольно сказал Жилин.

- Вытравливай, - сказал Быков.

Жилин вытравил еще немного троса, не спуская глаз с протуберанца. Сначала ему показалось, что "Тахмасиб" летит прямо на протуберанец, но через минуту он понял, что корабль пройдет гораздо левее. Протуберанец оторвался от коричневой глади и поплыл в розовое марево, волоча за собой клейкий хвост желтых прозрачных нитей. В нитях опять вспыхнуло сиреневое зарево и быстро погасло. Протуберанец растаял в розовом свете.

Быков работал долго. Несколько раз он поднимался на площадку, немного отдыхал и снова спускался, каждый раз выбирая новое направление. Когда он поднялся в третий раз, у него был только один тестер.

- Уронил, - коротко сказал он.

Жилин терпеливо вытравливал трос, упираясь ногой в перила. В таком положении он чувствовал себя очень устойчиво и мог озиаться по сторонам. Но по сторонам ничего не менялось. Только когда капитан поднялся в шестой раз и буркнул: "Довольно. Пошли", Жилин вдруг подумал, что рыжая туманная стена слева - облачная поверхность Юпитера - стала заметно ближе.

В рубке было чисто. Михаил Антонович вымел осколки и теперь сидел на своем обычном месте, нахохлившись, в меховой куртке поверх комбинезона. Из рта у него шел пар - в рубке было холодно. Быков сел в кресло, упер руки в колени и пристально поглядел сначала на штурмана, потом на Жилина. Штурман и Жилин ждали.

- Ты закрепил пробоины? - спросил Быков штурмана.

Михаил Антонович несколько раз кивнул.

- Есть шанс, - сказал Быков.

Михаил Антонович выпрямился и шумно перевел дух. Жилин глотнул от волнения.

- Есть шанс, - повторил Быков. - Но он очень маленький. И совершенно фантастический.

- Говори, Алешенька, - тихо попросил штурман.

- Сейчас скажу, - сказал Быков и прокашлялся. - Шестнадцать процентов отражателя вышли из строя. Вопрос такой: можем ли мы заставить работать остальные восемьдесят четыре? Даже меньше, чем восемьдесят четыре, потому что процентов десять еще не контролируется - разрушена система контрольных ячеек.

Штурман и Жилин молчали, вытянув шеи.

- Можем, - сказал Быков. - Во всяком случае, можем попробовать. Надо сместить точку сгорания плазмы так, чтобы скомпенсировать асимметрию поврежденного отражателя.

- Ясно, - сказал Жилин дрожащим голосом.

Быков поглядел на него.

- Это наше единственный шанс. Мы с Иваном займемся переориентацией магнитных ловушек. Иван вполне может работать. Ты, Миша, рассчитаешь нам новое положение точки сгорания в соответствии со схемой повреждения. Схему ты сейчас получишь. Это сумасшедшая работа, но это наш единственный шанс.

Он смотрел на штурмана, и Михаил Антонович поднял голову и встретился с ним глазами. Они отлично и сразу поняли друг друга. Что можно не успеть. Что там внизу, в условиях чудовищного давления, коррозия начнет разъедать корпус корабля - и корабль может растаять, как рафинад в кипятке, раньше, чем они закончат работу. Что нечего и думать скомпенсировать асимметрию полностью. Что никто и никогда не пытался водить корабли с такой компенсацией, на двигателе, ослабленном по меньшей мере в полтора раза...

- Это наш единственный шанс, - громко сказал Быков.

- Я сделаю, Лешенька, - сказал Михаил Антонович. - Это нетрудно - рассчитать новую точку. Я сделаю.

- Схему мертвых участков я тебе сейчас дам, - повторил Быков. - И нам надо страшно спешить. Скоро начнется перегрузка, и будет очень трудно работать. А если мы провалимся очень глубоко, станет опасно включать двигатель, потому что возможна цепная реакция в сжатом водороде. - Он подумал и добавил: - И мы превратимся в газ.

- Ясно, - сказал Жилин. Ему хотелось начать сию же минуту, немедленно.

Михаил Антонович протянул руку с коротенькими пальцами и сказал тонким голосом:

- Схему, Лешенька, схему.

На панели аварийного пульта замигали три красных огонька.

- Ну вот, - сказал Михаил Антонович. - В аварийных ракетах кончается горючее.

- Наплевать, - сказал Быков и встал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЛЮДИ В БЕЗДНЕ

1. ПЛАНЕТОЛОГИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ, А ШТУРМАН УЛИЧЕН В КОНТРАБАНДЕ

- 3-заряжай, - сказал Юрковский.

Он висел у перископа, втиснув лицо в замшевый нарамник. Он висел горизонтально, животом вниз, растопырив ноги и локти, и рядом плавали в воздухе толстый дневник наблюдений и авторучка. Моллар лихо откатил крышку казенника, вытянул из стеллажа обойму бомбозондов и, подталкивая ее сверху и снизу, с трудом загнал в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма медленно и бесшумно скользнула на место. Моллар накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

- Готов, Вольдемар.

Моллар прекрасно держался в условиях невесомости. Правда, иногда он делал резкие неосторожные движения и повисал под потолком, и тогда приходилось стаскивать его обратно, и его иногда подташнивало, но для новичка, впервые попавшего в невесомость, он держался очень хорошо.

- Готов, - сказал Дауге от экзосферного спектрографа.

- 3-залп, - скомандовал Юрковский.

Дауге нажал на спуск. Ду-ду-ду-ду - глухо заурчало в казеннике. И сейчас же - тик-тик-тик - затрещал затвор спектрографа. Юрковский увидел в перископ, как в оранжевом тумане, сквозь который теперь проваливался "Тахмасиб", один за другим вспыхивали и стремительно уносились вверх белые клубки пламени. Двадцать вспышек, двадцать лопнувших бомбозондов, несущих мезонные излучатели.

- С-славно, - сказал Юрковский негромко.

За бортом росло давление. Бомбозонды рвались все ближе. Они слишком быстро тормозились.

Дауге громко говорил в диктофон, заглядывая в отсчетное устройство спектроанализатора:

- Молекулярный водород - восемьдесят один и тридцать пять, гелий - семь и одиннадцать, метан - четыре и шестнадцать, аммиак - один ноль один... Усиливается неотожествленная линия... Говорил я им: поставьте считывающий автомат, неудобно же так...

- П-падаем, - сказал Юрковский. - Как мы п-падаем... М-метана уже только ч-четыре...

Дауге, ловко поворачиваясь, снимал отсчеты с приборов.

- Пока Кангрэн прав, - сказал он. - Ну вот, батиметр уже отказал. Давление триста атмосфер. Больше нам давление не мерять.

- Ладно, - сказал Юрковский. - З-заряжай.

- Стоит ли? - сказал Дауге. - Батиметр отказал. Синхронизация будет нарушена.

- Д-давай попробуем, - сказал Юрковский. - З-заряжай.

Он оглянулся на Моллара. Моллар тихонько раскачивался под потолком, грустно улыбаясь.

- Стащи его, Григорий, - сказал Юрковский.

Дауге привстал, схватил Моллара за ногу и стащил вниз.

- Шарль, - сказал он терпеливо. - Не делайте порывистых движений. Зацепитесь носками вот здесь и держитесь.

Моллар тяжело вздохнул и откатил крышку казенника. Пустая обойма выплыла из зарядной камеры, стукнула его в грудь и медленно полетела к Юрковскому. Юрковский увернулся.

- О, опять! - сказал Моллар виновато. - Простите, Володя. О, этот невесомость!

- З-заряжай, заряжай, - сказал Юрковский.

- Солнце, - сказал вдруг Дауге.

Юрковский припал к перископу. В оранжевом тумане на несколько секунд появился смутный красноватый диск.

- Это последний раз, - сказал Дауге, кашлянув.

- Ви уже три раза говорили "последний раз", - сказал Моллар, накатывая крышку. Он нагнулся, проверяя замок. - Прощай, Солнце, как говорил капитан Немо. Но получилось, что не последний раз. Я готов, Вольдемар.

- И я готов, - сказал Дауге. - Может быть, все-таки кончим?

В обсерваторный отсек, лязгая по полу магнитными подковами, вошел Быков.

- Кончайте работу, - сказал он угрюмо.

- П-поч-чему? - спросил Юрковский, обернувшись.

- Большое давление за бортом. Еще полчаса, и ваши бомбы будут рваться в этом отсеке.

- З-залп, - торопливо сказал Юрковский.

Дауге колебался немного, но все-таки нажал на спуск. Быков дослушал "ду-ду-ду" в казеннике и сказал:

- И хватит. Задраить все тестерные пазы. Эту штуку, - он показал на казенник, - заклинить. И как следует.

- А п-перископ-ические н-наблюдения в-вести нам еще разрешается? - спросил Юрковский.

- Перископические разрешается, - сказал Быков. - Забавляйтесь.

Он повернулся и вышел. Дауге сказал:

- Ну вот, так и знал. Ни черта не получилось. Синхронизации нет.

Он выключил приборы и стал вытаскивать катушку из диктофона.

- Иог-ганыч, - сказал Юрковский. - П-по-моему, Алексей что-то з-задумал, к-как ты думаешь?

- Не знаю, - сказал Дауге и посмотрел на него. - С чего ты взял?

- У н-него т-такая особенная морда, - сказал Юрковский. - Я его з-знаю.

Некоторое время все молчали, только глубоко вздыхал Моллар, которого подташнивало. Потом Дауге сказал:

- Я хочу есть. Где суп, Шарль? Вы разлили суп, мы голодны. А кто сегодня дежурный, Шарль?

- Я, - сказал Шарль. При мысли о еде его затошнило сильнее. Но он сказал: - Я пойду и приготовлю новый суп.

- Солнце! - сказал Юрковский.

Дауге прижался подбитым глазом к окуляру видеоискателя.

- Вот видите, - сказал Моллар. - Опять Солнце.

- Это не Солнце, - сказал Дауге.

- Д-да, - сказал Юрковский. - Это, п-пожалуй, н-не Солнце.

Далекий клубок света в светло-коричневой мгле бледнел, разбухая, расплывался серыми пятнами и исчез. Юрковский смотрел, стиснув зубы так, что трещало в висках. "Прощай, Солнце, - подумал он. - Прощай, Солнце".

- Я есть хочу, - сердито сказал Дауге. - Пойдемте на камбуз, Шарль.

Он ловко оттолкнулся от стены, подплыл к двери и раскрыл ее. Моллар тоже оттолкнулся и ударился головой о карниз. Дауге поймал его за руку с растопыренными пальцами и вытащил в коридор. Юрковский слышал, как Иоганч спросил: "Ну, как жизнь, хороше-о?" Моллар ответил: "Хороше-о, но очень неудобно". - "Ничего, - сказал Дауге бодрым голосом. - Скоро привыкнете".

"Ничего, - подумал Юрковский, - скоро все кончится". Он заглянул в перископ. Было видно, как вверху, откуда падал планетолет, сгущается коричневый туман, но снизу, из непостижимых глубин, из бездонных глубин водородной пропасти, брезжил странный розовый свет. Тогда Юрковский закрыл глаза. "Жить, - подумал он. - Жить долго. Жить вечно". Он вцепился обеими руками в волосы. Оглохнуть, ослепнуть, онеметь, только жить. Только чувствовать на коже солнце и ветер, а рядом - друга. Боль, бессилие, жалость. Как сейчас. Он с силой рванул себя за волосы. Пусть как сейчас, но всегда. Вдруг он услышал, что громко сопит, и очнулся. Ощущение непереносимого, сумасшедшего ужаса и отчаяния исчезло. Так уже бывало с ним - двенадцать лет назад на Марсе, и десять лет назад на Голконде, и в позапрошлом году тоже на Марсе. Приступ сумасшедшего желания просто жить, желания темного и древнего, как сама протоплазма. Словно короткий обморок. Но это проходит. Это надо перетерпеть, как боль. И сразу о чем-нибудь позаботиться. Лешка приказал задраить тестерные пазы. Он отнял руки от лица, раскрыл глаза и увидел, что сидит на полу. Падение "Тахмасиба" тормозилось, вещи обретали вес.

Юрковский потянулся к маленькому пульту и задраил тестерные пазы - амбразуры в прочной оболочке жилой гондолы, в которые вставляются рецепторы приборов. Затем он тщательно заклинил казенник бомбосбрасывателя, собрал разбросанные обоймы от бомбозондов и аккуратно сложил их в стеллаж. Он заглянул в перископ, и ему показалось - да так оно, наверное, и было на самом деле, - что тьма вверху стала гуще, а розовое сияние внизу сильнее. Он подумал, что на такую глубину в Юпитер не проникал еще ни один человек, разве что Сережа Петрушевский, светлая ему память, но и он, скорее всего, взорвался раньше. У него тоже был расколот отражатель.

Он вышел в коридор и направился в кают-компанию, заглядывая по пути во все каюты. "Тахмасиб" еще падал, хотя с каждой минутой все медленнее, и Юрковский шел на цыпочках, словно под водой, балансируя руками и время от времени делая произвольные прыжки.

В пустынном коридоре вдруг разнесся приглушенный вопль Моллара, похожий на воинственный клич: "Как жизнь, Грегуар, хороше-о?" Видимо, Дауге удалось привести радиооптика в обычное настроение. Ответа Грегуара Юрковский не расслышал. "Хороше-о", - пробормотал он и не заметил, что не заикается. Все-таки хорошо.

Он заглянул в каюту Михаила Антоновича. В каюте было темно и стоял странный пряный запах. Юрковский вошел и включил свет. Посреди каюты валялся развороченный чемодан. Никогда еще Юрковский не видел чемодана в таком состоянии. Так чемодан мог бы выглядеть, если бы в нем лопнул бомбозонд. Матовый потолок и стены каюты были заляпаны коричневыми, скользкими на вид кляксами. От клякс исходил вкусный пряный аромат. "Мидии со специями", - сразу определил Юрковский. Он очень любил мидии со специями, но они, к сожалению, были напрочь исключены из рациона межпланетников. Он оглянулся и увидел над самой дверью блестящее черное пятно - метеоритная пробоина. Все отсеки жилой гондолы были герметическими. При попадании метеорита подача воздуха в них автоматически перекрывалась до тех пор, пока смолопласт - вязкая и прочная прокладка корпуса - не затягивал пробоину. На это требуется всего одна, максимум две секунды, но за это время давление в отсеке может сильно упасть. Это не очень опасно для человека, но смертельно для контрабанды консервов. Консервы просто взрываются. Особенно пряные консервы. "Контрабанда, -

подумал Юрковский. - Старый чревоугодник. Ну, будет тебе от капитана. Быков не выносит контрабанды".

Юрковский осмотрел каюту еще раз и заметил, что черное пятно пробоины слабо серебрится. "Ага, - подумал он. - Кто-то уже прометаллизировал пробоины. Правильно, иначе под таким давлением смолопластовые пробки просто вдавило бы внутрь". Он выключил свет и вернулся в коридор. И тогда он ощутил усталость и свинцовую тяжесть во всем теле. "О черт, как я раскис", - подумал он и вдруг почувствовал, что лента, на которой висел микрофон, режет шею. Он понял, в чем дело. Перелет заканчивается. Через несколько минут тяжесть станет двойной и над головой будет десять тысяч километров сжатого водорода, а под ногами шестьдесят тысяч километров сжатого, жидкого, твердого водорода. Каждый килограмм тела будет весить два килограмма, а то и больше. "Бедный Шарль, - подумал Юрковский. - Бедный Миша".

- Вольдемар, - позвал сзади Моллар. - Вольдемар, помогите нам везти суп. Очень тяжелый суп.

Юрковский оглянулся. Дауге и Моллар, красные и потные, тащили из дверей камбуза грузно вихляющийся столик на колесах. На столике слабо дымились три кастрюльки. Юрковский пошел навстречу и вдруг почувствовал, как стало тяжело. Моллар слабо ахнул и сел на пол. "Тахмасиб" остановился. "Тахмасиб" с экипажем, с пассажирами и с грузом прибыл на последнюю станцию.

2. ПЛАНЕТОЛОГИ ПЫТАЮТ ШТУРМАНА, А РАДИООПТИК ПЫТАЕТ ПЛАНЕТОЛОГОВ

- Кто готовил этот обед? - спросил Быков.

Он оглядел всех и снова уставился на кастрюльки. Михаил Антонович тяжело, со свистом дышал, навалившись грудью на стол. Лицо у него было багровое, отекавшее.

- Я, - несмело сказал Моллар.

- А в чем дело? - спросил Дауге.

Голоса у всех были сиплые. Все говорили с трудом, едва вытаскивая из себя слова. Моллар криво улыбнулся и лег на диван лицом вверх. Ему было плохо. "Тахмасиб" больше не падал, и тяжесть становилась непереносимой. Быков посмотрел на Моллара.

- Этот обед вас убьет, - сказал он. - Съедите этот обед и больше не встанете. Он вас раздавит, вы понимаете?

- О черт, - сказал Дауге с досадой. - Я забыл о тяжести.

Моллар лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Челюсть у него отвисла.

- Съедем бульону, - сказал Быков. - И все. Больше ни кусочка. - Он поглядел на Михаила Антоновича и оскалил зубы в нерадостной усмешке. - Ни кусочка, - повторил он.

Юрковский взял половник и стал разливать бульон по тарелкам.

- Тяжелый обед, - сказал он.

- Вкусно пахнет, - сказал Михаил Антонович. - Может быть, дольешь мне еще чуть-чуть, Володенька?

- Хватит, - жестко сказал Быков. Он медленно хлебал бульон, по-детски зажав ложку в кулаке, измазанном графитовой смазкой.

Все молча стали есть. Моллар с трудом приподнялся и снова лег.

- Не могу, - сказал он. - Простите меня, не могу.

Быков положил ложку и встал.

- Рекомендую всем пассажирам лечь в амортизаторы, - сказал он.

Дауге отрицательно покачал головой.

- Как угодно. Но Моллар уложите в амортизатор непременно.

- Хорошо, - сказал Юрковский.

Дауге взял тарелку, сел на диван рядом с Молларом и принялся кормить его с ложки, как больного. Моллар громко глотал, не открывая глаз.

- А где Иван? - спросил Юрковский.

- На вахте, - ответил Быков. Он взял кастрюлю с остатками супа и пошел к люку, тяжело ступая на прямых ногах. Юрковский, поджав губы, глядел в его согнутую спину.

- Все, мальчики, - сказал Михаил Антонович жалким голосом. - Начинаю худеть. Так все-таки нельзя. Я сейчас вешу двести с лишним кило - подумать страшно! И будет еще хуже. Мы все еще падаем немножко.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на животе отекающие руки. Затем поворочался немного, положил руки на подлокотники и почти мгновенно заснул.

- Спит, толстяк, - сказал Дауге, оглянувшись на него. - Корабль затонул, а штурман заснул. Ну, еще ложечку, Шарль. За папу. Вот так. А теперь за маму.

- Нье могу, простите, - пролепетал Моллар. - Нье могу. Я лягу. - Он лег и начал неразборчиво бормотать по-французски.

Дауге поставил тарелку на стол.

- Михаил, - позвал он негромко. - Миша.

Михаил Антонович раскатисто храпел.

- С-сейчас я его ра-азбужу, - сказал Юрковский. - Михаил, - сказал он вкрадчивым голосом. - М-мидии. М-мидии со с-специями.

Михаил Антонович вздрогнул и проснулся.

- Что? - пробормотал он. - Что?

- Нечистая с-совесть, - сказал Юрковский.

Дауге поглядел на штурмана в упор.

- Что вы там делаете в рубке? - сказал он.

Михаил Антонович поморгал красными веками, потом заерзал на кресле, едва слышно сказал: "Ах, я совсем забыл..." - и попытался подняться.

- Сиди, - сказал Дауге.

- Т-так что вы там д-делаете?

- И на кой бес?

- Ничего особенного, - сказал Михаил Антонович и оглянулся на люк в рубку. - Право, ничего, мальчики. Так только...

- М-миша, - сказал Юрковский. - М-мы же видим, что он что-то з-задумал.

- Говори, толстяк, - сказал Дауге свирепо.

Штурман снова попытался подняться.

- С-сиди, - сказал Юрковский безжалостно. - Мидии. Со специями. Говори.

Михаил Антонович стал красен как мак.

- Мы не дети, - сказал Дауге. - Нам уже приходилось умирать. Какого беса вы там секретничаете?

- Есть шанс, - едва слышно пробормотал штурман.

- Шанс всегда есть, - возразил Дауге. - Конкретнее.

- Ничтожный шанс, - сказал Михаил Антонович. - Право, мне пора, мальчики.

- Что они делают? - спросил Дауге. - Чем они заняты, Лешка и Иван?

Михаил Антонович с тоской поглядел на люк в рубку.

- Он не хочет вам говорить, - прошептал он. - Он не хочет вас зря обнадеживать. Алексей надеется выбраться. Они там перестраивают систему магнитных ловушек... И отстаньте от меня, пожалуйста! - закричал он тонким пронзительным голосом, кое-как встал и заковылял в рубку.

- Mon dieu, - тихо сказал Моллар и снова лег навзничь.

- А, все это ерунда, барахтанье, - сказал Дауге. - Конечно, Быков не способен сидеть спокойно, когда костлявая берет нас за горло. Пошли. Пойдемте, Шарль, мы уложим вас в амортизатор. Приказ капитана.

Они взяли Моллара под руки с двух сторон, подняли и повели в коридор. Голова Моллара болталась.

- Mon dieu, - бормотал он. - Простите. Я есть весьма плохой межпланетник. Я есть только всего радиооптик.

Это было очень трудно - идти самим и тащить Моллара, но они все-таки добрались до его каюты и уложили радиооптика в амортизатор. Он лежал в длинном, не по росту, ящике, маленький, жалкий, задыхающийся, с посиневшим лицом.

- Сейчас вам станет хорошо, Шарль, - сказал Дауге.

Юрковский молча кивнул и сейчас же сморщился от боли в позвоночнике.

- П-полежите, отдохните, - сказал он.

- Хороше-о, - сказал Моллар. - Спасибо, товарищи.

Дауге задвинул крышку и постучал. Моллар постучал в ответ.

- Ну, хорошо, - сказал Дауге. - Теперь бы нам костюмы для

перегрузок...

Юрковский пошел к выходу. На корабле было только три костюма для перегрузок - костюмы экипажа. Пассажирам полагалось лежать в амортизаторах.

Они обошли все каюты и собрали все одеяла и подушки. В обсерваторном отсеке они долго устраивались у перископов, обкладывали себя мягким со всех сторон, а потом легли и некоторое время молчали, отдыхая. Дышать было трудно. Казалось, на грудь давит многопудовая гиря.

- П-помню, на курсах нам давали с-сильные перегрузки, - сказал Юрковский. - П-пришлось сбрасывать в-вес.

- Да, - сказал Дауге. - Я совсем забыл. Что это за чепуха про мидии со специями?

- В-вкусная вещь, правда? - сказал Юрковский. - Наш штурман в-вез тайком от к-капитана н-несколько банок, и они взорвались у него в ч-чемодане.

- Ну? - сказал Дауге. - Опять? Ну и лакомка! Ну и контрабандист! Его счастье, что Быкову сейчас не до этого.

- Б-быков, наверное, еще н-не знает, - сказал Юрковский.

"И никогда не узнает", - подумал он. Они помолчали, потом Дауге взял дневники наблюдений и стал их просматривать. Они немного посчитали, потом поспорили относительно метеоритной атаки. Дауге сказал, что это был случайный рой. Юрковский объявил, что это кольцо.

- Кольцо у Юпитера? - презрительно сказал Дауге.

- Да, - сказал Юрковский. - Я давно это подозревал. И теперь вот убедился.

- Нет, сказал Дауге. - Все-таки это не кольцо. Это полукольцо.

- Ну, пусть полукольцо, - согласился Юрковский.

- Кангрэн большой молодец, - сказал Дауге. - Его расчеты просто замечательно точны.

- Не совсем, - сказал Юрковский.

- Это почему же? - осведомился Дауге.

- Потому что температура растет заметно медленнее, - объяснил Юрковский.

- Это внутреннее свечение неклассического типа, - возразил Дауге.

- Да, неклассического, - сказал Юрковский.

- Кангрэн не мог этого учесть, - сказал Дауге.

- Надо было учесть, - сказал Юрковский. - Об этом уже сто лет спорят, надо было учесть.

- Просто тебе стыдно, - сказал Дауге. - Ты так бранился с Кангреном в Дублине, и теперь тебе стыдно.

- Балда ты, - сказал Юрковский. - Я учитывал неклассические эффекты.

- Знаю, - сказал Дауге.

- А если знаешь, - сказал Юрковский, - то не болтай глупостей.

- Не ори на меня, - сказал Дауге. - Это не глупости. Неклассические эффекты ты учел, а цена этому сам видишь какая.

- Это тебе такая цена, - рассердился Юрковский. - До сих пор не читал моей последней статьи.

- Ладно, - сказал Дауге, - не сердись. У меня спина затекла.

- У меня тоже, - сказал Юрковский. Он перевернулся на живот и встал на четвереньки. Это было нелегко. Он дотянулся до перископа и заглянул. - П-посмотри-ка, - сказал он.

Они стали смотреть в перископы. "Тахмасиб" плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не видно было ни одного предмета, никакого движения, на котором мог бы задержаться взгляд. Только ровный розовый свет. Казалось, что смотришь в упор на флуоресцирующий экран. После долгого молчания Юрковский сказал:

- Скучно.

Он поправил подушки и снова лег на спину.

- Этого еще никто не видел, - сказал Дауге. - Это свечение металлического водорода.

- Т-таким н-наблюдениям, - сказал Юрковский, - грош цена. Может, пристроим к п-перископу с-спектрограф?

- Глупости, - сказал Дауге, еле шевеля губами. Он сполз на подушки и тоже лег на спину. - Жалко, - сказал он. - Ведь этого еще никто никогда не видел.

- Д-до чего м-мерзко ничего не делать, - сказал Юрковский с тоской.
Дауге вдруг приподнялся на локте и нагнул голову, прислушиваясь.
- Что ты? - спросил Юрковский.
- Тише, - сказал Дауге. - Послушай.
Юрковский прислушался. Низкий, едва слышный гул доносился откуда-то, волнообразно нарастая и снова затихая, словно гудение гигантского шмеля. Гул перешел в жужжание, стал выше и смолк.
- Что это? - спросил Дауге.
- Не знаю, - отозвался Юрковский вполголоса. Он сел. - Может быть, это двигатель?
- Нет, это оттуда, - Дауге махнул рукой в сторону перископов. - Ну-ка... - Он опять прислушался, и снова послышалось нарастающее гудение.
- Надо поглядеть, - сказал Дауге.
Гигантский шмель смолк, но через секунду загудел снова. Дауге поднялся на колени и уткнулся лицом в нарамник перископа.
- Смотри! - закричал он.
Юрковский тоже подполз к перископу.
- Смотри, как здорово! - крикнул Дауге.
Из желто-розовой бездны поднимались огромные радужные шары. Они были похожи на мыльные пузыри и переливались зеленым, синим, красным. Это было очень красиво и совершенно непонятно. Шары поднимались из пропасти с низким нарастающим гулом, быстро проносились и исчезали из поля зрения. Они все были разных размеров, и Дауге судорожно вцепился в рубчатый барабан дальномера. Один шар, особенно громадный и колыхающийся, прошел совсем близко. На несколько мгновений обсерваторный отсек заполнился нестерпимо низким, зудящим гулом, и планетолет слегка качнуло.
- Эй, в обсерватории! - раздался в репродукторе голос Быкова. - Что за бортом?
- Ф-феномены, - сказал Юрковский, пригнув голову к микрофону.
- Что? - спросил Быков.
- П-пузыри какие-то, - пояснил Юрковский.
- Это я и сам вижу, - проворчал Быков и замолчал.
- Это уже не металлический водород, - сказал Юрковский.
Пузыри исчезли.
- Вот, - сказал Дауге. - Диаметры: пятьсот, девятьсот и три тысячи триста метров. Если, конечно, здесь не искажается перспектива. Больше я не успел. Что это может быть?
В розовой пустоте пронеслись еще два пузыря. Вырос и сейчас же смолк густой басовый звук.
- М-машина п-планеты р-работает, - сказал Юрковский. - И мы никогда не узнаем, что там происходит...
- Пузыри в газе, - сказал Дауге. - А впрочем, какой это газ - плотность как у бензина...
Он обернулся. На пороге открытой двери сидел Моллар, прислонившись виском к косяку. Кожа на его лице вся сползла к подбородку от тяжести. У него был белый лоб и темно-вишневая шея.
- Это есть я, - сказал Моллар.
Он перевалился на живот и пополз к своему месту у казенника. Планетологи молча смотрели на него, затем Дауге встал, взял две подушки - у себя и у Юрковского - и помог Моллару устроиться поудобнее. Все молчали.
- Очень тоскливо, - сказал, наконец, Моллар. - Не могу один. Хочется говорить. - Он делал самые невообразимые ударения.
- Мы очень рады вам, Шарль, - сказал Дауге совершенно искренне. - Нам тоже тоскливо, и мы все время говорим.
Моллар попытался сесть, но раздумал и остался лежать, тяжело дыша и глядя в потолок.
- А к-как жизнь, Шарль? - спросил Юрковский с интересом.
- Жизнь хороше-о, - сказал Моллар, бледно улыбаясь. - Только мало.
Дауге лег и тоже уставился в потолок. "Мало, - подумал он, - гораздо меньше, чем хочется". Он выругался вполголоса по-латышски.
- Что? - спросил Моллар.
- Он ругается, - объяснил Юрковский.
Моллар вдруг сказал высоким голосом: "Друзья мои!" - и планетологи разом повернулись к нему.
- Друзья мои! - сказал Моллар. - Что мне дьелатть? Ви есть опытные

межпланетники! Ви есть большие люди и герои. Да, герои! Mon dieu! Ви смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрел в глаза девушки. - Он горестно помотал головой. - И я совсем не есть опытный. Мне страшно, и я хочу много говорить сейчас, но сейчас уже близок конец, и я не знаю как. Да, да, как надо сейчас говорить?

Он смотрел на Дауге и Юрковского блестящими глазами. Дауге неловко пробормотал: "О черт" - и оглянулся на Юрковского. Юровский лежал, заложив руки за голову, и искоса глядел на Моллара.

- О черт, - сказал Дауге. - Я уже и забыл.

- М-могу рассказать, к-как мне однажды х-хотели ам-ампутировать н-ногу, - предложил Юровский.

- Верно! - радостно сказал Дауге. - А потом вы, Шарль, тоже расскажете что-нибудь веселенькое...

- Ах, вы все шутите, - сказал Моллар.

- А еще можно спеть, - сказал Дауге. - Я про это читал. Вы нам споете, Шарль?

- Ах, - сказал Моллар. - Я совсем прокис.

- Отнюдь, - сказал Дауге. - Вы замечательно держитесь, Шарль. А это же самое главное. Правда, Шарль замечательно держится, а, Володя?

- К-конечно, - сказал Юровский. - З-замечательно.

- А капитан не спит, - бодро продолжал Дауге. - Вы заметили, Шарль? Он что-то задумал, наш капитан.

- Да, - сказал Моллар. - Да! Наш капитан - это есть большая надежда.

- Еще бы, - сказал Дауге. - Вы даже не знаете, какая это большая надежда.

- М-метр девяносто пять, - сказал Юровский.

Моллар засмеялся.

- Вы все шутите, - сказал он.

- А мы пока будем болтать и наблюдать, - сказал Дауге. - Хотите посмотреть в перископ, Шарль? Это красиво. Этого никто никогда не видел. - Он поднялся и приник к перископу.

Юровский увидел, как у него вдруг выгнулась спина. Дауге обеими руками взялся за нарамник.

- Бог мой! - сказал он. - Планетолет!

В розовой пустоте висел планетолет. Он был виден совершенно отчетливо и во всех подробностях и находился, по-видимому, километрах в трех от "Тахмасиба". Это был фотонный грузовик первого класса с параболическим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с круглой жилой гондолой и дисковидным грузовым отсеком, с тремя сигарами аварийных ракет на далеко вынесенных кронштейнах. Он висел вертикально и совершенно неподвижно. И он был серый, как на экране черно-белого кино.

- Как же это? - пробормотал Дауге. - Неужели Петрушевский?

- П-погляди на отражатель, - сказал Юровский.

Отражатель серого планетолета был обломан с края.

- Тоже не повезло ребятам, - сказал Дауге.

- О! - сказал Моллар. - А вон еще один.

Второй планетолет - точно такой же - висел дальше и глубже первого.

- И у этого обломан отражатель, - сказал Дауге.

- Я з-знаю, - сказал неожиданно Юровский. - Это наш "Тахмасиб".

М-мираж.

Это был двойной мираж. Несколько радужных пузырей стремительно поднялись из глубины, из призраки "Тахмасиба" исказились, задрожали и растаяли. А правее и выше появились еще три призрака.

- Какие красивые пузыри! - сказал Моллар. - Они поют.

Он снова лег на спину. У него пошла носом кровь, и он сморкался и морщился и все поглядывал на планетологов, не видят ли они. Они, конечно, не видели.

- Вот, - сказал Дауге. - Ты говоришь, что здесь скучно.

- Я н-не говорю, - сказал Юровский.

- Нет, говоришь, - сказал Дауге. - Ты брюзжишь, что скучно.

Оба старались не глядеть на Моллара. Кровь остановить было нельзя. Она свернется сама. Радиооптика нужно было бы отнести в амортизатор, но... Ничего, она свернется. Моллар тихо сморкался.

- А вон еще мираж, - сказал Дауге. - Но это не корабль.

Юровский заглянул в перископ. "Не может быть, - подумал он. - Этого

не может быть. Не тут, не в Юпитере". Под "Тахмасибом" медленно проплывала вершина громадной серой скалы. Основание ее тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала - голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А еще дальше вырастала целая вереница таких же острых крутых вершин. И тишина в обсерваторном отсеке сменилась скрипами, шорохами, едва слышным гулом, похожим на эхо далеких-далеких горных обвалов.

- Эт-то н-не мираж, - проговорил Юрковский. - Эт-то п-похоже на ядро.

- Вздор, - сказал Дауге.

- В-возможно, все-таки у Юпитера есть я-ядро.

- Вздор, вздор, - нетерпеливо сказал Дауге.

Горная цепь тянулась под "Тахмасибом", и не было ей конца.

- Вон еще, - сказал Дауге.

Выше скалистых зубьев выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же за ним вслед появился другой, третий, а вдали, едва различимая, бледным пятном светилась округлая серая масса. Горный хребет внизу постепенно опускался и исчез из виду. Юрковский, не отрываясь от перископа, поднес к губам микрофон. Было слышно, как у него хрустнули суставы.

- Быков, - позвал он. - Алексей.

- Алеши нет, Володенька, - отозвался голос штурмана. Голос был сиплый и задышающийся. - Он в машине.

- М-михаил, мы идем н-над с-скалами, - сказал Юрковский.

- Над какими скалами? - испуганно спросил Михаил Антонович.

Вдали прошла поразительно ровная, словно отполированная поверхность - огромная равнина, окаймленная невысокой грядой круглых холмов. Прошла и утонула в розовом.

- М-мы еще не все п-понимаем, - сказал Юрковский.

- Я сейчас посмотрю, Володенька, - сказал Михаил Антонович.

За перископом проплывала еще одна горная страна. Она плыла высоко вверх, и вершины гор были обращены вниз. Это было дикое, фантастическое зрелище, и Юрковский подумал сначала, что это опять мираж, но это был не мираж. Тогда он понял и сказал:

- Это не ядро, Иоганыч. Это кладбище.

Дауге не понял.

- Это кладбище миров, - сказал Юрковский. - Джуп проглотил их.

Дауге долго молчал, а затем пробормотал:

- Какие открытия... Кольцо, розовое излучение, кладбище миров...

Жаль. Очень жаль.

Он оглянулся и окликнул Моллара. Моллар не ответил. Он лежал ничком.

Они стащили Моллара в амортизатор, привели его в чувство, а он, измотанный, отекавший, сразу заснул, словно упал в обморок. Потом они вернулись в обсерваторный отсек и снова повисли на перископах. Под "Тахмасибом", и рядом с "Тахмасибом", и временами над "Тахмасибом" медленно проплывали в потоках сжатого водорода несостоявшиеся миры - горы, скалы, чудовищные потрескавшиеся глыбы, прозрачные серые облака пыли. Потом "Тахмасиб" отнесло в сторону, а в перископах остался только пустой, ровный розовый свет.

- Устал как собака, - сказал Дауге. Он перевернулся на бок, и у него затрещали кости. - Слышишь?

- Слышу, - сказал Юрковский. - Давай смотреть.

- Давай, - сказал Дауге.

- Я думал, это ядро, - сказал Юрковский.

- Этого не могло быть, - сказал Дауге.

Юрковский стал тереть лицо ладонями.

- Это ты так говоришь, - сказал он. - Давай смотреть.

Они еще многое увидели и услышали, или им казалось, что они увидели и услышали, потому что оба они страшно устали, и в глазах иногда темнело, и тогда исчезали стены обсерваторного отсека - оставался только ровный розовый свет. Они видели широкие неподвижные зигзаги молний, упирившиеся в тьму наверху и в розовую бездну внизу, и слышали, как с железным громом пульсируют в них лиловые разряды. Они видели какие-то колышущиеся пленки, проплывавшие с тонким свистом совсем рядом. Они разглядывали причудливые тени во мгле, которые двигались и шевелились, и Дауге спорил, что это объемные тени, а Юрковский доказывал, что Дауге бредит. И они слышали вой, и писк, и грохот, и странные звуки, похожие на голоса, и Дауге предложил

зафиксировать эти звуки на диктофоне, но тут заметил, что Юрковский спит лежа на животе. Тогда он повернул Юрковского на спину и снова вернулся к перископу.

В открытую дверь отсека вползла, волоча брюхо по полу, Варечка, синяя в крапинку, подобралась к Юрковскому и взгромоздилась к нему на колени. Дауге хотел прогнать ее, но у него уже совсем не было сил. Он даже не мог поднять голову. А Варечка тяжело вздымала бока и медленно мигала. Шипы на ее морде стояли ежом, и полумертвый хвост судорожно подергивался в такт дыханию.

3. НАДО ПРОЩАТЬСЯ, А РАДИООПТИК НЕ ЗНАЕТ КАК

Это было трудно, невообразимо трудно работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавливалось сердце, и все заволакивалось красной мутью. И во рту все время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неумоимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашел Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку и сказал: "Ешь". Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: "Если мы выберемся, я не пойду в межзвездную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды". Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над Рыжим Пустынником - кстати, откуда взялось такое странное прозвище? - но он никогда не видел, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или ученый старшего поколения. "Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть, как Быков". Когда Жилин терял сознание, Быков молча заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на свое место.

Потом Быков сказал: "Пошли" - и они выбрались из камеры магнитной системы. У Жилина все плыло перед глазами, хотелось лечь, уткнуться носом во что-нибудь помягче и так лежать, пока не поднимут. Он выбирался вторым и застрял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притопывал. Жилин напрягся и вылез из люка. Он сел на корточки, чтобы как следует задраить крышку. Замок не слушался, и Жилин стал рвать его исцарапанными пальцами. Быков возвышался рядом, как радиомачта, и смотрел не мигая сверху вниз.

- Сейчас, - торопливо сказал Жилин. - Сейчас...

Замок, наконец, встал на место.

- Готово, - сказал Жилин и выпрямился. Ноги тряслись в коленях.

- Пошли, - сказал Быков.

Они вернулись в рубку. Михаил Антонович спал в своем кресле у вычислителя. Он громко всхрапывал. Вычислитель был включен. Быков перегнулся через штурмана, взял микрофон селектора и сказал:

- Пассажирам собраться в кают-компанию.

- Что? - спросил Михаил Антонович, встрепенувшись. - Что, уже?

- Уже, - сказал Быков. - Пойдем в кают-компанию.

Но он пошел не сразу - стоял и задумчиво наблюдал, как Михаил Антонович, болезненно морщась и постанывая, выбирается из кресла. Затем он словно очнулся и сказал:

- Пойдем.

Они пошли в кают-компанию. Михаил Антонович сразу пробрался к дивану и сел, сложив руки на животе. Жилин тоже сел, чтобы не тряслись ноги, и стал смотреть в стол. На столе еще стояли стопкой грязные тарелки. Потом

дверь в коридор открылась, и ввалились пассажиры. Планетологи тащили на себе Моллара. Моллар висел, волоча ноги и обхватив планетологов за плечи. В руке у него был зажат носовой платок, весь в темных пятнах.

Дауге и Юрковский молча усадили Моллар на диван и сели по обе стороны от него. Жилин оглядел их. "Вот это да! - подумал он. - Неужели и у меня такая морда?" Он украдкой ощупал лицо. Ему показалось, что щеки у него очень тощие, а подбородок очень толстый, как у Михаила Антоновича. Под кожей бежали мурашки, как в отсиженной ноге. "Отсидел физиономию", - подумал Жилин.

- Так, - сказал Быков. Он сидел на стуле в углу и теперь встал, подошел к столу и тяжело оперся о него.

Моллар неожиданно подмигнул Жилину и закрыл лицо пятнистым платком. Быков холодно посмотрел на него. Затем он стал смотреть в стену.

- Так, - повторил он. - Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ва-нием "Тахмасиба". Мы закончили пере-о-бо-ру-до-ва-ние. - Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. - Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю: решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

- Короче, Алексей, - сказал Дауге.

- Решение принято, - сказал Быков. - Но я считаю, что вы вправе знать, чем это все может кончиться. Во-первых, включение фотореактора может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда "Тахмасиб" будет разрушен полностью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель - возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-третьих, наконец, "Тахмасиб" может благополучно выбраться из Юпитера и...

- Понятно, - сказал Дауге.

- И продовольствие будет доставлено на Амальтею, - сказал Быков.

- П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова, - сказал Юрковский.

Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно.

Быков смотрел в стену.

- Я намерен стартовать сейчас же, - сказал он. - Предлагаю пассажирам занять места в амортизаторах. И давайте без этих ваших штучек. - Он посмотрел на планетологов. - Перегрузка будет восьмикратная, как минимум. Прошу выполнять. Бортинженер Жилин, проследите за выполнением и доложите.

Он оглядел всех исподлобья, повернулся и ушел в рубку на прямых ногах.

- Mon dieu, - сказал Моллар. - Ну и жизньнь.

У него опять пошла кровь из носа, и он принялся слабо сморкаться.

Дауге повертел головой и сказал:

- Нам нужен счастливчик. Кто-нибудь здесь есть везучий? Нам совершенно необходим счастливчик.

Жилин встал.

- Пора, товарищи, - сказал он. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось. Ему очень хотелось, чтобы все уже было позади. Все остались сидеть. - Пора, товарищи, - растерянно повторил он.

- В-вероятность б-благод-приятного и-исхода - п-процентов д-десять, - задумчиво сказал Юрковский и принялся растирать щеки.

Михаил Антонович, кряхтя, выбрался из дивана.

- Мальчики, - сказал он. - Надо, кажется, прощаться. На всякий случай, знаете... Всякое может быть, - он жалостно улыбнулся.

- Прощаться так прощаться, - сказал Дауге. - Давайте прощаться.

- И я опять не знаю как, - сказал Моллар.

Юрковский поднялся.

- В-вот что, - сказал он. - П-пошли по ам-мортизаторам. С-сейчас выйдет Б-быков, и т-тогда... Лучше мне сгореть. Р-рука у него тяжелая, д-до сих п-пор помню. Д-десять лет.

- Да-да, - заторопился Михаил Антонович. - Пошли, мальчики, пошли... Дайте я вас поцелую.

Он поцеловал Дауге, потом Юрковского, потом повернулся к Моллару. Моллара он поцеловал в лоб.

- А ты где будешь, Миша? - спросил Дауге.

Михаил Антонович поцеловал Жилина, всхлипнул и сказал:

- В амортизаторе, как все.
- А ты, Ваня?
- Тоже, - сказал Жилин. Он придерживал Моллара за плечи.
- А капитан?

Они вышли в коридор, и снова все остановились. Оставалось несколько шагов.

- Алексей Петрович говорит, что не верит автоматике в Джупе, - сказал Жилин. - Он сам поведет корабль.

- Б-быков есть Быков, - сказал Юрковский, криво усмехаясь. - В-всех н-неможных на своих п-плечах.

Михаил Антонович, всхлипывая, пошел в свою каюту.

- Я вам помогу, мсье Моллар, - сказал Жилин.
- Да, - согласился Моллар и послушно обхватил Жилина за плечи.
- Удачи и спокойной плазмы, - сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и они разошлись по своим каютам. Жилин ввел Моллара в его каюту и уложил в амортизатор.

- Как жизнь, Ванюша-а? - сказал печально Моллар. - Хороше-о?
- Хорошо, мсье Моллар, - сказал Жилин.
- А как девушки?

- Очень хорошо, - сказал Жилин. - На Амальтее чудесные девушки.

Он вежливо улыбнулся, задвинул крышку и сразу перестал улыбаться. "Хоть бы скорее все это кончилось!" - подумал он.

Он шел по коридору, и коридор показался ему очень пустым. Он постучал по крышке каждого амортизатора и прослушал ответный стук. Потом он вернулся в рубку.

Быков сидел на месте старшего пилота. Он был в костюме для перегрузок. Костюм был похож на кокон шелкопряда, из него торчала рыжая растрепанная голова. Быков был совершенно обыкновенный, только очень сердитый и усталый.

- Все готово, Алексей Петрович, - сказал Жилин.

- Хорошо, - сказал Быков. Он косо поглядел на Жилина. - Не боишься, малек?

- Нет, - сказал Жилин.

Он не боялся. Он только хотел, чтобы все скорее кончилось. И еще ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из стратоплана, грузный, уса́тый, со шляпой в руке. И познакомиться отца с Быковым.

- Ступай, Иван, - сказал Быков. - Десять минут в твоём распоряжении.

- Спокойной плазмы, Алексей Петрович, - сказал Жилин.

- Спасибо, - сказал Быков. - Ступай.

"Это надо выдержать, - подумал Жилин. - Черт, неужели я не выдержу?"

Он подошел к двери своей каюты и вдруг увидел Варечку. Варечка тяжело ползла, прижимаясь к стене, волоча за собой сплюснутый с боков хвост. Увидев Жилина, она подняла треугольную морду и медленно мигнула.

- Эх ты, бедолага! - сказал Жилин.

Он взял Варечку за отставшую на шее кожу, приволок ее в каюту, сдвинул крышку с амортизатора и поглядел на часы. Потом он бросил Варечку в амортизатор - она была очень тяжелая и грузно трепыхалась в руках - и залез сам. Он лежал в полной темноте, слушал, как шумит амортизирующая смесь, а тело становилось легче и легче. Это было очень приятно, только Варечка все время дергалась под боком и колола руку шипами. "Надо выдержать, - подумал Жилин. - Как он выдерживает".

В рубке Алексей Петрович Быков нажал большим пальцем рифленую клавишу стартера.

ЭПИЛОГ. АМАЛЬТЕЯ, "ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ"

ДИРЕКТОР "ДЖЕЙ-СТАНЦИИ" НЕ ГЛЯДИТ НА ЗАХОД ЮПИТЕРА, А ВАРЕЧКУ ДЕРГАЮТ ЗА ХВОСТ

Заход Юпитера - это тоже очень красиво. Медленно гаснет желто-зеленое зарево экзосферы, и одна за другой загораются звезды, как алмазные иглы на черном бархате.

Но директор "Джей-станции" не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами. Он смотрел на ледяное поле ракетододрома. На поле медленно, едва заметно для глаза, падала исполинская башня "Тахмасиб". "Тахмасиб" был громаден - фотонный грузовик первого класса. Он был так громаден, что его не с чем было сравнить здесь, на голубовато-зеленой равнине, покрытой круглыми черными пятнами. Из спектролитового колпака казалось, что "Тахмасиб" падает сам собой. На самом деле его укладывали. В тени скал и по другую сторону равнины мощные лебедки тянули тросы, и блестящие нити иногда ярко вспыхивали в лучах солнца. Солнце ярко озаряло корабль, и он был виден весь, от огромной чаши отражателя до шаровидной жилой гондолы.

Никогда еще на Амальтею не опускался такой изуродованный планетолеет. Край отражателя был расколот, и в огромной чаше лежала густая изломанная тень. Двухсотметровая труба фотореактора казалась пятнистой и была словно изъедена коростой. Аварийный ракеты на скрученных кронштейнах нелепо торчали во все стороны, грузовой отсек перекошило, и один сектор его был раздавлен. Диск грузового отсека напоминал плоскую круглую консервную банку, на которую наступили свинцовым башмаком. "Часть продовольствия, конечно, погибла, - подумал начальник. - Какая чушь лезет в голову! Не все ли равно. Да, "Тахмасибу" теперь не скоро уйти отсюда".

- Дорого нам обошелся куриный суп, - сказал дядя Валнога.

- Да, - пробормотал директор. - Куриный суп. Бросьте, Валнога. Вы же этого не думаете. При чем здесь куриный суп?

- Отчего же, - сказал Валнога. - Ребятам нужна настоящая еда.

Планетолеет опустился на равнину и погрузился в тень. Теперь было видно только слабое зеленоватое мерцание на титановых боках, потом там сверкнули огни и мелькнули маленькие черные фигурки. Косматый горб Юпитера ушел за скалы, и скалы почернели и стали выше, и на мгновение ярко загорелась какая-то расщелина, и стали видны решетчатые конструкции антенн.

В кармане директора тоненько запел радиодиск. Директор вытащил гладкую коробку и нажал кнопку приема.

- Слушаю, - сказал он.

Тенорок дежурного диспетчера, очень веселый и без всякой почтительности, сказал скороговоркой:

- Товарищ директор, капитан Быков с экипажем и пассажирами прибыл на станцию и ждет вас в вашем кабинете.

- Иду, - сказал начальник.

Вместе с дядей Валногой он спустился в лифте и направился в свой кабинет. Дверь была раскрыта настежь. В кабинете было полно народу, и все громко говорили и смеялись. Еще в коридоре директор услышал радостный вопль:

- Как жизнь - хороше-о? Как мальчушки - хороше-о?

Директор не сразу вошел, а некоторое время стоял на пороге, разыскивая глазами прибывших. Валнога громко дышал у него над ухом, и чувствовалось, что он улыбается до ушей. Они увидели Моллара с мокрыми после купания волосами. Моллар отчаянно жестикулировал и хохотал. Вокруг него стояли девушки - Зойка, Галина, Наденька, Джейн, Юрико, все девушки Амальтеи, - и тоже хохотали. Моллар всегда ухитрялся собрать вокруг себя всех девушек. Потом директор увидел Юрковского, вернее, его затылок, торчащий над головами, и кошмарное чудище у него на плече. Чудище вертело мордой и время от времени страшно зевало. Варечку дергали за хвост. Дауге видно не было, но зато было слышно не хуже, чем Моллара. Дауге вопил:

- Не наваливайтесь! Пустите, ребята! Ой-ой!

В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых. С парнем оживленно разговаривали несколько местных планетолеетчиков. Михаил Антонович Крутиков сидел в кресле у стола директора. Он рассказывал, всплескивая короткими ручками, и временами подносил к глазам смятый платочек.

Быкова директор узнал последним. Быков был бледен до синевы, и волосы его казались совсем медными, под глазами висели синие мешки, какие бывают от сильных и длительных перегрузок. Глаза его были красными. Он говорил так тихо, что директор ничего не мог разобрать и видел только, что говорит он медленно, с трудом шевеля губами. Возле Быкова стояли руководители отделов и начальник ракетододрома. Это была самая тихая группа в кабинете.

Потом Быков поднял глаза и увидел директора. Он встал, и по кабинету прошел шепоток, и все сразу замолчали.

Они пошли навстречу друг другу, гремя магнитными подковами по металлическому полу, и сошлись на середине комнаты. Они пожали друг другу руки и некоторое время стояли молча и неподвижно. Потом Быков отнял руку и сказал:

- Товарищ Кангрэн, планетолет "Тахмасиб" с грузом прибыл.